

Виктор Горошин

МЕНЯ
УБЬЮТ
ЧЕТВЕРТЫМ
ВЫСТРЕЛОМ

Виктор Горошин

Меня убьют четвертым выстрелом

«Издательские решения»

Горошин В.

Меня убьют четвертым выстрелом / В. Горошин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507250-4

Книга является рассказом о новом следствии, проводимом легендой сыска — агентом Федерального Бюро Расследований Энтони Дювалем, его помощницей Нэнси Купер и экспертом-криминалистом Терри Вудсом, уже известным читателю по роману «Непонятное дело Полины Томпсон». Черeda убийств всколыхнула Атланту. Дело под свой личный контроль взял сам губернатор штата. Поначалу все сводится к тому, что в городе появился маньяк-одиночка. Постепенно в поле внимания сыщиков попадают восемь человек...

ISBN 978-5-00-507250-4

© Горошин В.
© Издательские решения

Меня убьют четвертым выстрелом

Виктор Горошин

Иллюстратор Светлана Алимова

© Виктор Горошин, 2019

© Светлана Алимова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-7250-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конечно, ее там не было. Он уже около получаса сидел в машине перед своим домом, безуспешно пытаясь убедить себя, что скорбные окна – это еще не черная метка окончательного разрыва. Она могла задержаться на работе, встретиться с подругой, снарядиться в поход по магазинам. Даже кофе с приятелем могла выпить. А что? Почему бы молодой, красивой да в общем-то и свободной женщине не выпить кофе со старым другом, случайно встреченным где-нибудь на парковке? Да. Именно случайно и почему-то именно на парковке.

Но все события последнего месяца убеждали его, что, скорее всего, он никогда больше ее не увидит. Она отдалилась от него как-то внезапно и решительно. Под разными предложениями засиживалась у компьютера до глубокой ночи, а иногда и вовсе ложилась спать на диване в гостиной. Им вдруг стало не о чем разговаривать. Зато она часами с кем-то переписывалась, не замечая вокруг себя ничего и никого. Несколько раз он пытался вытащить ее на прогулку, но каждый раз у нее находились благовидные предлоги, чтобы от них отказаться. Даже трехдневный круиз, который он не без усилий откопал в недрах интернета, не вызвал у нее энтузиазма. На все его робкие попытки объясниться, она лишь неопределенно пожимала плечами: «Как-нибудь позже...»

Он твердил себе, что у нее сейчас очень трудный период. Сорок рабочих часов в неделю она совмещала с учебой в медицинской школе. И это на не родном языке.

Он не просто любил ее, он ею гордился, восхищался. С тщеславным удовольствием рассказывал о ее успехах друзьям и не скрывал восторга своей сопричастности.

Сам он прочно застрял на должности учителя математики средней школы и прекрасно понимал, какая глубокая пропасть возникнет между ними, как только она станет полноправным доктором.

– Тогда ты меня и бросишь. Сразу и бесповоротно.

– Успокойся, милый, – смеялась она, – я русская тетка. Мы нищих мужиков на переправе не меняем. Из горящей избы вытащим, со скачущего коня снимем. Если я от тебя и сбегу, то лишь из-за твоего вздорного характера.

И вот теперь эти темные окна. Он где-то читал, что в таких случаях мужчины открывают двери «дрожащей рукой». Но его рука почему-то совершенно не дрожала, и ключ спокойно повернулся в прорези. Он вошел внутрь. Осмотрелся.

В доме царил абсолютный порядок. Каждая вещь лежала на строго определенном для нее месте. Как раз так, как он любил. Посуда была аккуратно расставлена по шкафчикам, а его рубашки развешаны в строго определенном порядке. Над ними аккуратными стопками лежали его свитера, а на полу стояли коробки с обувью. Даже его домашние тапочки выглядели из-под кровати ровно настолько, насколько им и было положено.

Это радовало. Огорчало то, что в доме не осталось ни одной ее вещи. Бесследно исчезли даже самые незаметные женские мелочи. Не было и намека на какие-то ленточки, бусинки,

кошельки. С трюмо сбежала ее фотография. В стакане у раковины одиноко грустила его зубная щетка. Она всегда настолько беззаботно, если не безответственно, относилась к быту, что ему сразу стало ясно: было сделано все, чтобы не оставить после себя никакого следа. Ничто не должно было напоминать о ней и причинять ему боль.

Уже несколько недель он со страхом ожидал этого дня. И был к нему готов. Он знал, что собирается делать. В маленьком сейфе дожидался своего часа давно купленный пистолет. Он взял его в руки, уселся в свое любимое кресло, проверил наличие патронов. Поднес пистолет к виску. Затем вспомнил, что в кино актеры обычно стреляют себе в подбородок. Поднес его к подбородку. Подумал, что, видимо, будет выглядеть не слишком эстетично. Наверное, лучше попробовать в сердце. Но тут память услужливо подсказала, что именно на сегодня назначена седьмая игра плей-офф. Решил, что ничего ужасного не произойдет, если он узнает, пройдут ли «Ястребы» в полуфинал конференции. А когда они выиграли, глупо было не посмотреть, смогут ли они проскочить и в финал. А потом начался новый сезон его любимого сериала. А за ним и мировое первенство по футболу. Через два месяца он заметил нежные сигналы, которые ему посылала Бриджит – секретарша директора его школы. Начался бурный роман. Правда, недолгий. Потом он опять вспомнил про свой пистолет, но тут на горизонте показалась Аделина...

Прошло десять лет.

1.

Игра, видимо, подходила к концу. Это было заметно и по уставшим лицам ребят, и по большому количеству совершаемых ими ошибок. Ник Портер хорошо разбирался в баскетболе и видел многое из того, что было скрыто от взгляда непосвященного человека. Приходя в спортивный клуб, он любил после тренировки подойти к баскетбольной площадке и несколько минут понаблюдать за матчем. Постоянные игроки уже давно привыкли к этому немолодому одинокому зрителю и не обращали на него никакого внимания. А он, следя за накалом чужих страстей, немного жалел о том, что уже двадцать лет не прикасался к мячу. Иногда он совсем было решался напроситься поиграть, но быстро от этой затеи отказывался, понимая, что выглядеть будет достаточно нелепо.

Но вот встреча закончилась, кто-то из ребят небрежно отбросил в сторону мяч, который лениво покатился прямо Нику под ноги. Он наклонился, поднял его и вдруг прижал к себе, как доброго знакомого, с которым не встречался много лет. Вроде и прожить без него нетрудно, а вот и увидеться приятно.

Молодые люди смотрели на него с нескрываемой насмешкой. Неожиданно для Ника, это его почему-то разозлило. Он вдруг вскинул руки и отправил мяч в кольцо. Все еще волнующий трепет сетки оповестил, что цель была поражена. А мяч послушно поскакал обратно к Нику. Он сделал пару шагов в сторону и поразил кольцо еще раз. Теперь уже кто-то из ребят подхватил мяч и вернул ему. Третий бросок, четвертый, пятый... Ник Портер все еще помнил это чувство неизбежности попадания, когда ничто не могло помешать точному полету мяча. Он сделал двенадцать успешных бросков и лишь на тринадцатом мяч, неуклюже потоптавшись на кольце, отлетел в сторону. «Ладно, – подумал Ник, – сейчас не до суеверий.» Шутливо поклонившись и подмигнув восхищенным игрокам, он вышел из зала.

Девочка стояла у входа.

И внимательно на него смотрела. Точно так же, как она делала это последние несколько недель.

Найти этому объяснения он не мог. Первый раз, встретившись с ней глазами, Ник вежливо улыбнулся и через секунду забыл о ее существовании. Мало ли, с кем можно случайно переглянуться в спортивном клубе. Но уже через несколько минут он вновь ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Оглянувшись, узнал все ту же девочку. Ник опять не придал этому никакого значения, но лицо ребенка ему запомнилось. Выглядела она лет на шестнадцать.

Если бы его попросили нарисовать ее словесный портрет, он бы столкнулся с определенными трудностями. Типичная американская девчонка-тинейджер. Худенькая, светловолосая, голубоглазая. Ник тогда еще подумал, что если не увидит ее до следующего визита в клуб, то, по всей видимости, и узнать-то не сможет.

Но в тот же тот день, отъезжая от зала, он заметил ее в соседней машине. Кстати, тогда и сообразил, что шестнадцать ей точно было. По дороге домой, Ник заехал в супермаркет взять что-нибудь к ужину. Расплачиваясь, увидел ее за стеклянной витриной. Перехватив его взгляд, девочка немедленно отвернулась.

Примерно через неделю после этого, он разглядел ее в машине, стоявшей неподалеку от его дома. У него возникло было желание подойти и спросить, а чего, собственно, ей от него нужно, но, как человек умный и предусмотрительный, делать этого не стал: девочка могла с удивленным лицом поинтересоваться, а кто он, собственно, такой. А то и полицию вызвать. Ник, кстати, не отвергал и возможности подростковой провокации. Слишком много шумела в последнее время пресса о людях, на ровном месте терявших и репутацию, и громадные деньги. В тот день, войдя в дом, он немедленно выглянул в окно. Но машина уже успела исчезнуть.

Ник видел ее в клубе ежедневно. И каждый раз она оказывалась где-то неподалеку от него. В конце-концов, он решил, что сумасшедших хватает в любом возрасте и научился не обращать на девочку внимания. Но продолжал с раздражением замечать на себе ее изучающие взгляды.

И вот теперь эта встреча лоб в лоб на выходе из баскетбольного зала. Ник снова не знал, как себя вести. Останавливаться и объясняться было рискованно. Но девочка вдруг решительно встала на его пути и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

– У меня для вас хорошая новость. Вы нам подходите.

Валид Абдуллахи отчаянно боролся со сном. Шел четвертый час ночи. Та самая опасная пора, когда мозг и глаза живут какой-то совершенно обособленной от тебя жизнью, и готовы предать в самый неподходящий момент. Конечно, можно было бы и отключиться на часок, на заправке в это время обычно никто не появлялся, но ровно в четыре Валид должен был в очередной раз проверить все заправочные колонки. Смысла в этом не было никакого, но дядя настаивал на соблюдении давно установленного порядка и иногда просматривал эти чертовы камеры. Поэтому заснуть было нельзя. А время молитвы еще не наступило. Пророк ведь не случайно указывал, что утренний намаз начинается с истинного рассвета, сразу после того, как на Восточном горизонте появится белая полоса. Стоит на несколько минут поторопиться, и молитва будет недействительной. Но повторять суры из Корана рекомендовалось в любое время, чем Валид и занимался, скрашивая часы до окончания смены.

В Америку он приехал полгода назад, когда его родители и старший брат погибли при артиллерийском обстреле. Он даже не знал, кто их убил. Просто в какой-то момент его родной Хомс заняли воины этого нового государства, и их обстреливали в одной стороны повстанцы, а с другой – правительственные войска. Вот и метались по небу снаряды, которыми стороны щедро обменивались друг с другом. Во время одной из таких перестрелок семья пряталась в подвале. Никто и не думал выяснять, чья именно бомба прямым попаданием пробилла крышу. Валиду повезло: в тот момент его не было дома.

Дядя уже двадцать лет жил в Америке. Убежал еще при старшем Асаде. Отец рассказывал, что у семьи из-за этого были большие неприятности. Дед занимал какую-то заметную должность в правительстве, но после бегства старшего сына, его сразу же оттуда изгнали, и он вынужден был переехать в глухую провинцию. Валиду тогда было годика три, и те времена он помнил смутно. Правда, когда режим стал помягче, дядя начал семье помогать. Сначала присылал какие-то незначительные подарки. Потом деньги. С каждым годом все больше и больше.

Было очевидно, что дела в Америке у него шли неплохо. С появлением интернета у них наладилась постоянная связь. Дядя любил Валида и давно звал его к себе.

А после гибели родных, выбора у него и вовсе не оставалось. Дом был разрушен, возвращаться было некуда.

В Америке Валиду понравилось. Дядя встретил его, как родного сына. Жил он с американкой-женой и двумя сыновьями, которые, как ни крути, приходились Валиду двоюродными братьями. Мурсалу было четырнадцать лет, Джону на один год меньше.

С первого взгляда было понятно, что дядя – человек богатый. У него был большой дом с садом и даже бассейном, в гараже стояли несколько машин. Валид как-то высказал ему, как он рад, что Аллах благословил его таким богатством. Дядя в ответ лишь рассмеялся:

– Научись по двое суток не спать, и тебя благословит. Но сразу предупреждаю, не очень-то он и торопится.

Огорчало то, что дядя совсем не ходит в мечеть. Даже по пятницам. Несколько раз Валид по просьбе единоверцев убеждал его помочь нуждающимся мусульманам, но дядя всегда говорил, что готов предоставить им работу в своих магазинах или на заправочных станциях. А потом Валид узнал, что дядя активно помогает семье своего бывшего работника, погибшего при попытке ограбления одного из магазинов. Оплачивает обучение старшего сына в университете, а дочери – в частной школе. А недавно дядя потратил очень много денег на изготовление и установку христианского креста на могиле этого человека.

У Валида была своя история, связанная с христианами. Закончилась она печально. Мулла тогда объяснил ему, что Аллах таким образом проверял его верность и преданность. Поэтому принять дядину лояльность неверным Валид не мог. Он не собирался вступать с ними в открытую или даже тайную борьбу, но прислушивался к голосам проповедников, утверждавших, что пользоваться достижениями Западной

Через две недели после приезда Валида в Америку, дядя позвал его в кабинет и сказал, что освободил для него место ночного клерка на одной из своих заправочных станций.

– Этим и займешься на первых порах, – сказал он. – А днем сможешь улучшать свой английский. Начнешь потихоньку, а дальше посмотрим, чем тебе заняться.

Время подходило к четырем. Валид нехотя поднялся и, поеживаясь от предутренней прохлады, отправился на обход. Много времени прогулка не заняла. Валид бегло осмотрел шланги на колонках, обошел по периметру территорию и совсем было собрался вернуться в магазинчик, как вдруг на заправку с ревом и визгом буквально влетел огромный «Хаммер». Из него на всю округу гремела музыка. Бой барабанов рвал Валиду уши, визгливые голоса вызвали омерзение. Во времена Пророка такого безобразия не существовало. Машина резко затормозила у одной из колонок. Из нее мгновенно выскочили шестеро молодых ребят и девушек. Закрывать двери автомобиля им как-то в головы не пришло – рев динамиков становился нестерпимым. Но молодых людей это абсолютно не смущало. Они танцевали, хохотали, обнимались. У двоих ребят в руках были бутылки с алкоголем, который они глотали прямо из горлышка. Одна из девиц попыталась было вырвать у парня бутылку, но лишь облила себя, что вызвало у нее приступ безудержного веселья. Другая заметила Валида и, смеясь, стала знаками подзывать его к себе, делая вид, что расстегивает кофточку. Валид отвернулся. Кто-то из ребят снимал все происходящее на камеру своего айфона. Шум все усиливался. Валид обратил внимание, что в многоэтажном доме, расположенном неподалеку, зажглись несколько окон. Один из парней начал заправлять машину. В это же время – другой прямо там, у бензобака, закурил сигарету. Валид был уверен, что сейчас произойдет взрыв. Компания дружно хохотала.

– Что вы делаете? – Валид не выдержал, сорвался с места и подбежал к бензоколонкам. – Сейчас же все взорвется!

– Не беспокойся, дружок, – пьяно ответил один из парней, – помни, что твоя кормилица надежно застрахована. Так чего переживать?

– Вам что – жить надоело?

– Не уверен... – задумался парень, – сейчас попробую выяснить... Дженнифер... Несколько слов для нашего журнала. Признавайся... Тебе надоело жить?

– С тобой – да!

– Так мы вроде и не жили никогда...

– Да? Может быть, это было в далеком прошлом? Но запомнилось... – Девушка выхватила у курящего сигарету и глубоко затянулась. – Видишь, как сильно?

– Стойте, – вмешался тот, который был с камерой, – картинка не получается. Отсутствует правда жизни. Нет подлинного высокого реализма. Придется делать второй дубль. Непрофессионально, конечно... Но сначала – панорама. Для истории.

Он поднял камеру и начал водить ею вокруг заправки

– Прекратите, – закричал Валид, – здесь запрещено снимать.

– Этот там, откуда ты приехал, может быть запрещено снимать, – сказал оператор, направив камеру прямо на Валида. – А здесь – свободная страна. Так что, дружище, приехал – терпи.

– Точно, – сказала Дженнифер, – приехал – терпи. А я тебя за это поцелую. Хочешь?

– Не хочу.

– Ну, и ладно. Была бы честь предложена. А может быть Кэтрин? Или Клара?

Валид молчал.

– Тоже не хочет, – констатировал парень, державший в руках бутылку виски. – Ну, и Аллах с ним. По этой же причине я тебе, парень, и выпить не предлагаю. Или попробуешь? – Он протянул Валиду бутылку. Тот демонстративно отвернулся. – Вот и правильно. Воздастся тебе по вере твоей.

– Оставьте мальчика в покое, – вступилась Клара. – Заправились? Все. Поехали.

– Мудрое решение, – согласился парень с бутылкой, – по машинам.

Но так просто уехать ребятам было не суждено. На заправку с не меньшим, чем они, шумом, сверкая тревожными огнями и ревя сиренами, влетели две полицейские машины. То ли музыка слишком громко разносилась по окрестностям, то ли кто-то из жильцов стоявшего напротив дома проявил инициативу, но бдительные стражи порядка оказались на месте происшествия еще тогда, когда бутылки и горящие сигареты безмолвно свидетельствовали явно не в пользу подвыпившей компании.

Полицейские блокировали «Хаммер» с двух сторон, отрезая ему всякую возможность двинуться с места. Молодые люди несколько приутихли. Впрочем, сказать, что они сильно испугались этого неожиданного вторжения, было бы преувеличением. Скорее – озадачились. Дженнифер бросила сигарету на землю, придавив ее ногой. В руках ребят неопровержимой уликой все еще посверкивали бутылки спиртного.

Некоторое время из полицейских машин никто не выходил. Видимо, стражи порядка присматривались, оценивая ситуацию. За это время одна из девушек догадалась выключить музыку. Наконец, из первой машины, не торопясь, вылезли двое патрульных. Довольно долго они насмешливо смотрели на молодых людей, не произнося при этом ни слова. Молчание затягивалось. Первой не выдержала Клара.

– Добрый вечер, офицеры, – сказала она, безуспешно пытаясь очаровать мужчин приветливой улыбкой.

– Скорее, доброе утро, – отозвался один из полицейских – светловолосый сорокалетний мужчина. – Меня зовут офицер Фолкнер. Мой напарник – офицер Мартинес. Могу я поинтересоваться, что здесь происходит?

Ребята переглянулись.

– Офицер, – произнес один из них, – вы ставите нас в неловкое положение. Как можно объяснить взрослому, наделенному властью человеку, что обычно происходит на автозаправках? Ты, случайно, не знаешь? – обратился он к одному из своих товарищей.

– Мне кажется... правда, я могу и ошибаться... что обычно здесь... как бы это поточнее... заливают бензин в автомобили.

– Точно, – вставил парень с видеокамерой, – потому что иначе они не поедут.

– Но мы готовы изменить свое мнение, если оно не совпадает с мнением представителей закона, – сказала Кэтрин. – Офицер, – она нежно посмотрела на Мартинеса, – вы хотите, чтобы я ради вас отказалась от своих убеждений?

– Он не хочет, – резко сказал Фолкнер, – зато мы оба не прочь посмотреть ваши документы.

– Какие документы? – возмутилась Клара. – Господа, неужели вы думаете, что порядочная девушка, студентка, будет в нашем беспокойном городе таскать с собой документы? Да еще в такое позднее время. Вы действительно так считаете?

– Студентка? – недоверчиво произнес Мартинес. – И в каком же университете вы учитесь? Оксфорд? Сорбонна?

Клара посмотрела на друзей.

– Вот скажи ему, что я учусь в Гарварде и приехала на каникулы навестить любимых родителей, так не поверит.

– А ты попробуй, – предложила Дженнифер. – Только сделай это как-нибудь... проникновенно... искренне что ли.

– Господин полицейский, – Клара подняла правую руку, – перед лицом закона торжественно клянусь, что я учусь в Гарварде и приехала на каникулы, чтобы увидеть своих родителей, друзей и вас. – Она опустила руку и повернулась к Дженнифер. – Как считаешь, убедительно получилось?

– А эти? – спросил Мартинес. – Тоже из Гарварда?

– Фу, какое невежливое обращение – «эти». – сказал один из ребят. – Как молодой начинающий адвокат я просто вынужден сделать вам замечание.

– Как молодой начинающий адвокат, – вмешался Фолкнер, – вы обязаны знать, что по законам штата распитие спиртных напитков в автомобиле запрещено.

– А вы видите нас в автомобиле?

– Ну, около...

– Это совсем не одно и то же. И карается, кстати, значительно гуманнее. Если вы не согласны, готов вступить с вами в серьезную научную дискуссию.

– Совершенно не обязательно, – сказал Фолкнер. – А могу я поинтересоваться, кто из вас довел сюда этот автомобиль?

Молодые люди замялись. Выпад был точным. Пьяны были все. Стало очевидно: опыта у полицейских хватало.

– Так все-таки, господа, кто является водителем этой машины?

– Офицер, – осторожно начал адвокат, – вы же знаете, что по нашим правилам любой человек может сесть за руль автомобиля.

– Согласен. Пусть и садится. Может быть, сумеет вывезти вас отсюда.

Валид с интересом наблюдал за этой сценой. В его стране полицейские вели себя совершенно по-другому.

– Что? Нет желающих? – усмехнулся Фолкнер. – Как приятно иметь дело с грамотными, все понимающими людьми.

Наступила достаточно долгая, томительная пауза.

– Господин Фолкнер, – наконец сказала Дженнифер, – вы же прекрасно видите, что мы не разбойники из числа десяти наиболее разыскиваемых. Почему бы вам не отпустить законопослушных граждан Соединенных Штатов с миром? Нам и так не очень уютно стоять под прицелом ваших напарников из второго автомобиля.

– Вы видите направленные на вас прицелы? – возмущенно спросил Мартинес.

– Чувствуем, – поежилась Кэтрин, – и очень боимся.

– Да? – удивился Фолкнер, – а меня учили, что алкоголь притупляет чувство страха. В любом случае, попытайтесь-ка его перебороть и достаньте ваши документы. А то еще придется задерживать вас для выяснения личностей. Не верите? Спросите господина адвоката.

Ребята посмотрела на юриста, который, после небольшого раздумья, полез в карман и вытащил оттуда бумажник. Остальные последовали его примеру.

– Проверь, пожалуйста, – Фолкнер собрал удостоверения и передал их своему напарнику. Мартинес направился к машине.

– Вы, судя по вашей куртке, работаете здесь, – Фолкнер повернулся к Валиду.

Заправщик согласно кивнул.

– Не обратили внимания, кто из них был за рулем, когда они подъехали?

Валид прекрасно помнил, кто из парней вылез из водительской двери. Это был тот, который протягивал ему бутылку виски. Первым порывом Валида было указать на него полицейским, потому что Пророк запрещал употребление спиртного и требовал наказания виновных. Но неожиданно для самого себя, он вдруг отрицательно покачал головой. Опытный взгляд полицейского отметил это замешательство свидетеля, однако повторять свой вопрос Фолкнер не стал.

– И что вы собираетесь с нами делать, офицер? – спросила Кэтрин.

– Ничего такого, что не было бы предусмотрено законом, – отреагировал Фолкнер.

– А там столько вариантов, что невозможно и представить, на каком остановится уважаемый господин полицейский, – сказал молодой человек, назвавший себя адвокатом.

– Можешь перечислить хотя бы несколько? – спросил один из его товарищей. – Так сказать, для общего развития.

– Могу, конечно. Что же я зря столько лет учился? Нас можно привлечь за нарушение общественного порядка в ночное время, за распитие спиртных напитков в неположенном месте, наконец, за оказание сопротивления работникам правоохранительных органов.

– Я не сопротивлялась, – сказала Кэтрин.

– Ты же не показала удостоверение по первому требованию, а это уже сопротивление. Завтра тебя накажут, а пресса в очередной раз оповестит нацию о той опасности, которую ты и другие отдельные представители золотой молодежи наносят нашей морали и нравственности. Трех из нас выгонят с работы, остальных с университетов. Да! Чуть не забыл! Нас еще можно обвинить в попытке взрыва бензоколонки. А это уже терроризм. Предположительно, получим десять, двадцать, даже тридцать лет. Нужно подчеркнуть. Вплоть до пожизненного.

– Я не хочу пожизненное, – вздохнула Клара.

– Конечно, не хочешь. Но кто тебя спрашивать будет?

– А я тебя защитником возьму. Ты меня спасешь.

– И себя заодно. Но есть и другая возможность. Внимание! Следите за ходом моей мысли. И вы, офицер, тоже. Поскольку ваш напарник через три минуты убедится, что для общества мы совершенно безопасны, вы можете с легким сердцем ограничиться устным внушением и отпустить нас на поруки друг друга. Закон это допускает. Гуманность даже требует...

– А я прямо кожей ощущаю, насколько вы гуманны, – убежденно произнесла Кэтрин.

– Мы вызовем такси и уедем, – продолжал юрист. – А машину, с разрешения нашего общего друга, – он указал на Валида, – оставим здесь. Готовы оплатить парковку.

– Правда, мистер Фолкнер, – жалобно проговорила Дженнифер, – это было бы так благородно с вашей стороны. Неужели вы отдадите мою девичью честь на поругание?

– Представляете, – добавила Клара, – с каким прекрасным чувством вы могли бы сегодня сдать дежурство, прийти домой и рассказать близким, как спасли судьбы шестерых невинных молодых людей. И что для этого нужно? Всего лишь проявить немного человечности, которая... и я в этом уверена... нежным птенцом бьется под вашей форменной рубашкой.

– И откуда у вас такая уверенность? – язвительно спросил Фолкнер.

– Офицер, вы, видимо, давно не рассматривали себя в зеркале, – заметил один из ребят. – А это большое упущение. Я, как художник слова, могу отметить, например, скрытую печаль, затаившуюся в уголках ваших глаз. Не является ли она свидетельством глубоких чувств и переживаний, жизненного опыта и тщательно скрываемой доброты? Да! В силу профессии вам приходится иногда быть жестким, но, один лишь Бог видит, какие страдания причиняет вам эта необходимость.

– Ну, согласитесь, офицер, ведь причиняет? – спросила Дженнифер.

– Очень редко, – сказал Фолкнер, – и сейчас явно не тот случай.

Как раз в этот момент из машины показался офицер Мартинес. Встретившись глазами с напарником, он едва заметно покачал головой. Фолкнер подошел к нему.

– Ну, что, Рауль?

– Чисто, как у новорожденных. Не привлекались даже за парковку в неполюженном месте. Одна действительно учится в Гарварде. Еще двое здесь – в Эмори. Один журналист, один адвокат... Вон та шатенка – дочь сенатора, работает в адвокатской конторе своего родственника. Кстати, у нее сегодня день рождения. Видимо, ребята заприздновались... Что делать-то с ними собираешься?

– А ты как думаешь?

Мартинесу не понадобилось много времени для раздумий.

– Я бы отпустил. Отогнал машину на штрафстоянку, а они пусть добираются, как хотят.

– Они мне это уже предлагали. Только машину хотят оставить здесь.

– Не принципиально. Давай, дружище. Хорошие ребята, нечего им биографии портить.

Фолкнер еще раз посмотрел на подвыпившую компанию. Потом отошел ко второй полицейской машине. Несколько минут о чем-то разговаривал. Вернулся. Ребята выжидающе на него смотрели.

– Ну, хорошо, – сказал он, – сделаем девушке подарок ко дню рождения, – он кивнул на Дженнифер. – Ограничимся знакомством на этот раз. Валяйте по домам.

Ребята радостно зашумели.

– Спасибо, офицер, – сказала Дженнифер. – Это самый ценный подарок, который я только могла получить.

Кэтрин повернулась в Мартинесу:

– Не хотите поехать с нами продолжать веселье? Убедитесь, что все происходит абсолютно в рамках закона и приличия.

– Не могу, – ответил Рауль, – должен еще несколько часов оберегать ваш покой...

– Но хотелось бы?

Рауль с сомнением покачал головой:

– Боюсь, что для вашей компании я слишком законопослушен.

– Ты не против, если мы на несколько часов оставим здесь машину? – спросил адвокат у Валида. Тот согласно кивнул. Юрист протянул ему купюру. – Тогда еще одна просьба: не мог бы ты отогнать ее отсюда? А то, если это сделает кто-нибудь из нас, боюсь, офицер может отменить свое решение. Ключи в зажигании.

Валид сел в машину. С задней стороны заправки было достаточно места, чтобы припарковать даже внушительных размеров «Хаммер». Туда Валид и направился.

Адвокат начал возиться со своим телефоном, вызывая такси. Девушки безостановочно благодарили офицеров. После решения Фолкнера обстановка сразу разрядилась, и все, включая полицейских, испытали чувство облегчения.

Из-за угла показался Абдуллахи. Он что-то кричал. Понять его было трудно. Он был явно взволнован, из-за этого его акцент усилился. Но слова «мертвый человек» отчетливо слышали все.

Офицерам не понадобилось и доли секунды, чтобы отреагировать на крики заправщика. Компания ребят бросилась следом.

Посередине площадки, на спине лежал человек в окровавленной рубашке.

Место было хорошо освещено. Поэтому отчетливо были видны и его лицо, и пулевое ранение в груди.

Мартинес отошел в сторону и что-то произнес в висевшую на плече рацию.

Дженнифер повернулась к Фолкнеру:

– Офицер, мне кажется, я знаю этого человека. Даже уверена. Встречалась с ним на нескольких правительственных мероприятиях.

2.

Ник Портер озадаченно смотрел на девочку.

– Забавное начало, – наконец, произнес он, – и на какую разведку ты работаешь?

– Как вы оригинальны... Наверное, любите помечтать? Впрочем, не самый большой недостаток. Говорят, развивает воображение.

– Какое воображение? Ты бродишь за мной уже два месяца.

– Во-первых – только полтора. А во-вторых, согласитесь, вас это заводило. Вы ведь находили это романтичным?

– Никакой романтики, – возразил Ник. – Только дешевые сцены из малобюджетных шпионских фильмов.

– Да какой из вас шпион?

– Теперь уж тебе виднее. Откуда мне знать, что ты накопала? Короче, давай, колись, что тебе от меня нужно?

Девочка скорчила недовольную гримаску.

– Не грубите, пожалуйста, а то мне покажется, что мы с мамой ошиблись.

– Ах, так здесь еще и мама! Тоже засекреченный агент? Прямо скажем, работает она лучше тебя. Не так топорно. Где ты ее прячешь?

– Мамы здесь нет. И видела она вас всего один раз в жизни. – Девочка внимательно посмотрела на Ника. Потом пожала плечиками. – Почему-то решила, что вы симпатичный.

– А ты хочешь меня в этом разубедить?

Девочка огляделась по сторонам.

– Между прочим, меня зовут Миа, – представилась она.

– Меня – Ник.

– Я знаю.

– Откуда? Ах, да... Визуальное наблюдение, прослушка, подкупленная горничная.

– У вас нет горничной.

– Потрясающая осведомленность! – восхитился Ник. – А еще у меня нет садовника, референта и пилота личного самолета.

– Зато, у вас есть однокомнатная квартирка, рыжий кот и семилетняя «Хонда».

– А еще пособие по безработице, фуд стемпы и сто сорок семь долларов на счету.

– Маму это мало волнует.

– Да при чем здесь твоя мама?

Миа неожиданно взяла Ника за руку:

– Может быть, мы уйдем с дороги?

– Будем разговаривать на лыжных тренажерах? Или на беговых дорожках?

– Вы могли бы пригласить меня в кафетерий. Угостить каким-нибудь безвкусным энергетическим напитком.

– Я не беру в зал бумажник.

– Знаю. Но вы платите ему вперед и получаете две лишних порции. Почему вы все время пытаетесь меня обмануть? Мне это не нравится.

Ник Портер почувствовал, что теряется.

– Извини, дорогая, – только и смог сказать он, – все время забываю о твоих глубоких познаниях во всем, что касается моей персоны.

Они прошли в кафетерий. Заняли столик. Ник попросил два напитка.

– Так при чем здесь твоя мама? – спросил он.

Девочка буквально на долю секунды задержалась с ответом. От Ника это не ускользнуло.

– Я хочу, чтобы вы с ней познакомились.

– Зачем? – удивился Портер.

– Послушайте, вам сорок четыре года...

– Тебе и это известно?

– ...и я должна вам рассказывать зачем знакомятся мужчина и женщина? Вам раньше никогда не приходилось этого делать?

– Приходилось, – признался Ник, – но еще никогда таким... экзотическим способом.

– Не вижу ничего экзотического. Зачем вы, взрослые, все усложняете. Мама человек... занятой... немного застенчивый... Отца своего я никогда не видела. У нее, конечно, были какие-то невразумительные романы, но вот уже довольно давно она одна... Понимаете?

– Не все.

– Да вижу, – досадливо отмахнулась Миа. – Могла бы и раньше догадаться... Что тут может быть непонятного?

– Например, почему именно я?

– Я же сказала: один раз мама напросилась со мной сюда, в бассейн. Там случайно увидела вас. Обронила, что вы показались ей привлекательным. Вот я и подумала...

– Ты думаешь, этого достаточно?

– Нет. Но у меня есть и дополнительные соображения.

– Например?

– Вы не курите. Мама этого категорически не переносит. Судя по тому, что приходите сюда каждый день, не являетесь скрытым алкоголиком. Кроме того, неплохо выглядите для своих преклонных лет. Бодрый такой старикашка.

– А зачем же твоей маме старикашка? – уязвленно спросил Ник.

– Мне шестнадцать лет, – сказала девочка.

– Я не спрашивал тебя о твоём возрасте.

Миа обреченно покачала головой:

– Как все запущено... Вот правду ученые говорят, после тридцати лет мозговые клетки начинают отмирать. А у некоторых, – девочка со значением посмотрела на своего собеседника, – этот процесс идет с заметным ускорением. Если я говорю, что мне шестнадцать, то подразумеваю, что маме тоже не двадцать один.

– А-а, вот оно как. Извини, не подумал.

– Иногда не мешает... К тому же вы не гей.

– А это тебе откуда известно?

– А то я не видела, как вы крутили роман с той высокой девкой в постоянных леопардовых штанах. Она бегала на зумбу, а вы к концу ее занятий ненароком оказывались около танцевального зала. А потом, как привязанный, шлепали за ней и якобы незаметно плюхались в ее машину. Совершенно не понимаю, от кого вы прятались.

– Здесь ее бывший муж занимается, – неожиданно признался Ник. – До сих пор ревнует.

– И напрасно. Впрочем – это неважно. Вы уже почти месяц, как расстались.

– Ты и это знаешь?

– И многое другое. Вплоть до ваших любимых спагетти, которые вы потребляете в неприличном количестве. Кстати, пищу нужно разнообразить. А то располнеете, никакой фитнес не поможет.

– Тебе-то какое дело?

– Вы что, забыли зачем я с вами время теряю? Хочется, чтобы у мамы был здоровый спортивный парень. Так будете знакомиться?

– И как ты себе это представляешь? – спросил Ник.

– А я уже все продумала...

– Все продумала? Какая ты молодец!

– Не перебивайте. Я этого не люблю. – Миа немного помолчала. – Здесь неподалеку есть кафешка. Мы с мамой там иногда обедаем. Так вот, я вам позвоню перед тем, как мы туда пойдем следующий раз. И мы как бы случайно встретимся. Что вы об этом думаете?

Портер сделал глоток из бокала. Немного помолчал. Затем взглянул на собеседницу.

– Прежде всего, я думаю, что ты нафантазировала себе черт знает что и пытаешься эти свои бредовые фантазии реализовать.

– Почему бредовые?..

Ник пожал плечами:

– Откуда мне знать? Скорее всего, потому что ты еще маленькая и не очень умная девочка.

– Сами вы не очень умный...

– Помолчи немного. Как ты себе все это представляешь? «Мама – это Ник. Мы занимаемся в одном спортзале и поэтому я хочу, чтобы он стал твоим бойфрендом»? А ты хотя бы подумала о том, что твоя мама может мне не понравиться?

– Как это?

– Да очень просто. Вот не понравится и все тут. Ты бы мне для начала хоть фотокарточку ее принесла что ли.

– Моя мама не может не понравиться.

– Еще как может. Почему это она, как ты говоришь, уже долгое время прозябает в гордом одиночестве?

Миа вдруг неожиданно сникла. За несколько мгновений из насмешливой, даже высокомерной девушки она превратилась в грустную маленькую девочку. Портер обратил внимание на эту внезапную перемену.

– Что молчишь? – продолжал он. – Нечего сказать? Знаешь, что нагло пытаешься вторгнуться в жизнь взрослых людей. Совершенно не понимая ни их состояния, ни мотивации их поступков. Может быть, твоей маме никто не нужен. Может быть, я преднамеренно и осознанно расстался с танцовщицей в леопардовых штанах. Что ты все вынюхиваешь? Какого черта лезешь в дела, в которых ничего не смыслишь? Что? Нечего ответить?

– Я хотела помочь своей маме.

– Хотела? А она тебя просила об этом?

На глаза девочки вдруг навернулись слезы.

– Это вы ничего не понимаете... Я просто хочу, чтобы моя мама не была одинокой... хоть какое-то время...

– И поэтому ты считаешь возможным бесцеремонно лезть к незнакомым людям?

– Извините... – Миа кончиками пальцев протерла глаза. Потом попыталась улыбнуться. – А все-таки, согласитесь, я здорово придумала со случайной встречей в кафе.

– Отвратительно.

– Почему это?

– Ты же говорила, что она меня видела и даже нашла очаровательным...

– Не льстите себе – только симпатичным. Да и это – весьма спорное утверждение. Неужели вы не согласны?

Ник сделал вид, что не заметил этого укола.

– Так вот, я думаю, после такого заявления, наша якобы случайная встреча выглядела бы весьма подозрительной.

– Да вы с ума сошли. Мама давно забыла о вашем существовании. У нее, слава Богу, и без вас дел хватает. Может быть, все-таки придете?

Портер задумался. В его жизни было много разочарований. Ему шел пятый десяток, он немного подустал, и авантюра, в которую он бы с удовольствием втянулся лет двадцать назад, сейчас особого энтузиазма не вызывала. Но все-таки озорной мальчишка еще дремал где-то внутри него, а после сегодняшней удачи на баскетбольной площадке, он вроде бы даже и зашевелился. Кроме того, Ник видел, что Миа чего-то не договаривает, и ему было любопытно, что же на самом деле скрывается за странным поведением девочки.

– Приду, – после долгой паузы сказал он. – Почему бы и нет?

– Ну, и прекрасно, – обрадовалась Миа. – Я рада, что не ошиблась в вас. Давайте попробуем. Может быть, что-то и получится. Я позвоню дня через три. Только...

– Что еще?

– Эта ваша давняя история... Из-за которой вас не взяли в профессиональную лигу. Я, конечно, понимаю, что обвинения вроде бы не подтвердились, и все такое. Но не надо об этом рассказывать маме. Она может и не понять.

– Вижу, что ты прилежно выполнила домашнее задание. И тебя совершенно не смутило это происшествие?

– Поначалу – да. А вы бы как хотели? Но потом я подумала, что, может быть, вы говорили правду. К тому же прошло больше двадцати лет. Люди меняются.

– Потрясающее наблюдение.

– Послушайте, что вы все время разговариваете со мной, как с шестилетним ребенком? Я понимаю гораздо больше, чем вы думаете.

– Еще бы! Все время забываю, что ты поколение – миллениум.

– Какие вы умные слова знаете! Не иначе, прочитали еще какую-нибудь книжку, кроме баскетбольных правил. – Миа вдруг довольно сильно хлопнула себя ладошкой по голове. – Ах, да! Как же я могла забыть? Вы же у нас математик по образованию. Уж не знаю, чему вас там на тренировках учили, но до десяти, надеюсь, считать умеете.

– С калькулятором...

– По нынешним временам сойдет. Не выпускайте телефон из рук. Я скоро позвоню.

– Позвони, – согласился Портер. – Кстати, как зовут твою маму?

– Ее зовут Аманда Чапмен.

– Надо же, – усмехнулся Ник, – полная тезка знаменитой писательницы...

– Почему – тезка? – сказала Миа. – Это она и есть. Только она уже несколько лет ничего не пишет.

3.

Энтони Дюваль еще не до конца проснулся. Повернув от дома на основную дорогу, он посмотрел на приборную доску. Часы показывали четверть шестого. Дежурный офицер разбудил его двадцать минут назад и передал приказ Директора срочно выехать на какую-то запра-вочную станцию в Мидтауне. Там обнаружили труп человека с огнестрельным ранением. Следом пришло сообщение с адресом.

Признаться, от таких срочных вызовов Энтони уже несколько отвык. Проработав два десятка лет оперативником Федерального Бюро Расследований, он с радостью перешел на аналитическую работу, обустроился в уютном кабинете и привык к нормированному рабочему

дню. Так приятно было заходить в свой офис около девяти и закрывать за собой дверь ровно в шесть. Дюваль не без оснований полагал, что в свои пятьдесят с хвостиком он такую привилегию заслужил. Правда, изредка его все же выдергивали на какие-то особые происшествия. Но последний раз это было около года назад, когда он с блеском расследовал дело Полины Томпсон.

И вот теперь этот неожиданный звонок.

Согласно навигатору, ехать нужно было около получаса. Энтони понимал, что раз дело было передано в Бюро, значит речь идет о серьезном преступлении, далеко выходящем за рамки обыкновенной уголовщины. Да и сам факт, что его посреди ночи вытащили из постели, говорил о многом. Скорее всего, погибший был достаточно важной персоной. Правда, по опыту он знал, что такие убийства очень редко совершаются на автозаправках, но чего в этой жизни не случается.

Он переключил радио на новостную волну. Наверняка вездесущие репортеры уже узнали о преступлении. И бойко делятся полученной информацией со своей аудиторией. Но на этот раз Дювалю не повезло. Ведущие утренних разворотов безмятежно рассказывали о погоде, вчерашнем бейсбольном матче и вмешательстве русских в прошедшие президентские выборы. Даже в сводке происшествий не было сказано ни слова об убийстве на заправочной станции. Это наводило на определенные размышления. И объяснение могло быть только одно: если уж ни один из полицейских начальников не решился покрасоваться перед камерами и микрофонами, значит был отдан четкий приказ о неразглашении обстоятельств убийства.

Впрочем, гадать не имело никакого смысла. Тем более, что впереди безошибочным ориентиром замигали сигнальные огни полицейских автомобилей.

Энтони припарковал машину, показал патрульному свой жетон и прошел за оцепление. Первое, что он увидел, была группа молодых людей, стоящих у одной из колонок. С ними беседовала Нэнси Купер – его партнер по Бюро, с которой они уже раскрыли несколько преступлений. Он помахал ей рукой. Она кивнула в ответ. Чуть в стороне от этой группы присел на корточки молодой парень в форменной курточке заправщика.

Два полицейских фургона стояли чуть в стороне. Там же находилась и группа офицеров. Дюваль подошел к ним. Ему частенько приходилось сталкиваться с ситуациями, когда между его ведомством и полицией происходила ревнивая борьба за право проведения того или иного расследования. И сейчас он по многолетней привычке ожидал, что его появление вызовет открытое неудовольствие полицейских.

– Меня зовут Энтони Дюваль, – представился он. – Я специальный агент Федерального Бюро Расследований. Полагаю, что это дело поручено нашему департаменту и очень рассчитываю на ваше, офицеры, содействие, или, по крайней мере, невмешательство.

Однако, никакого протеста со стороны полицейских не последовало. Один из них взмахом руки указал ему на дорожку, ведущую за угол. Туда Дюваль и направился.

Убитый все еще лежал на спине. Почти в той самой позе, в какой его обнаружил Валид. Только рубашка его была уже расстегнута, и над ним в очень неудобной позе сидел ведущий криминалист Бюро Терри Вудс. Появление Дюваля не произвело на него абсолютно никакого впечатления. Скорее всего, он его просто не заметил.

Энтони молча стоял, наблюдая за работой эксперта.

– Терри, – наконец произнес он, – может быть ты, наконец, отвлечешься и представишь мне своего приятеля...

– Рад бы, – проворчал Вудс, не поднимая головы, – но в этом городе полно воришек. Кто-то из них лихо стащил все его бумаги. Ты не знаешь, – продолжил он без всякого перехода, – чего это нас пригнали сюда в такую рань?

– Сам теряюсь в догадках, – Дюваль с сомнением посмотрел на убитого. – Вроде бы твой клиент не тянет на президента дружественной нам страны.

– И смежники ведут себя подозрительно спокойно, – Терри кивнул на группу полицейских. – Видимо, получили какие-то внятные указания. Да и твоих друзей-репортеров не видно. Неужели ни одна дрянь не проболталась?

– Вот за этих не переживай – скоро появятся. Оцепленная заправка, сверкающие огни автомобилей... – Дюваль оценивающе посмотрел на криминалиста. – А тебе, как я погляжу, опять хочется на первые полосы?

– Да подрос я уже...

– Не забудь добавить, что ты на пять лет моложе меня.

– Ну, от этого никуда не денешься, – Терри начал с разных ракурсов делать фотографии лежащего на земле парня.

– Знаешь, есть такой анекдот, – неожиданно сказал Дюваль. – Жена упрекает мужа, что на его снимках всегда выглядит уродливой. «Вот Стенли, когда снимает свою жену, так она у него красотка фестивальная. А у тебя страшнее зомби.» «Это потому, что Стенли – оператор в Голливуде, а я эксперт-криминалист в ФБР.»

Терри сделал неуклюжую попытку улыбнуться.

– Я уже лет десять, как не женат... Недавно встретился с бывшей, выяснили, что к нашему общему удовольствию.

– Ты всегда умел находить верные решения, – подтвердил Энтони. – Поэтому и выглядишь гораздо привлекательнее этого парня, – он кивнул на убитого. – Ладно... Что-нибудь очень умное сегодня можешь сказать?

Вудс покачал головой.

– Пока немного... Вычеркнули его часа четыре назад. Стреляли в упор. Надеюсь, не забыл, что это значит?

– Что убийца с жертвой были близки...

– Ну, это уж каждый сам себе формулировки находит. Во всяком случае, подбраться он к нему смог. Еще одна маленькая деталь... Но, думаю, твое внимание привлечет: пытались стрелять, видимо, в сердце, но чуток промахнулись. Посмотри на рубашку. Сплошное кровавое пятно. В то же время, цемент вокруг абсолютно чист. Никаких кровавых луж.

– Может, затерли?

– Обижаешь. Проверил, конечно. Крови здесь не было со времен Гражданской войны. Так что, привезли его сюда, по всей вероятности, уже остывшим.

– Или принесли...

– Или принесли, – легко согласился криминалист. – Я еще прошвырнусь по окрестностям. Даже внутрь не побрезгую зайти. Но что-то мне подсказывает, затея это абсолютно безнадежная.

– Что-нибудь еще?

– Один выстрел. Приблизительное время я тебе уже указал. Подробности, как обычно, ближе к полудню.

Дюваль огляделся по сторонам. Обратил внимание, что агент Купер все еще беседует с группой молодых людей.

– Не знаешь, кто это там Нэнси развлекает? – спросил он.

– Краем уха слышал, что ребята как раз заправлялись, когда нашли этого парня. Вроде бы и полицейские тоже здесь были.

– И с ними она успела поговорить?

– Не думаю. Она подъехала минут за пятнадцать до тебя. И сразу взяла в оборот молодежь. Да ты не стесняйся. Подойди – познакомься. Как мы уже отметили, они сегодня на удивление смирные. – Он снова склонился над трупом.

Дюваль отошел к группе полицейских.

– Господа, – сказал он, – мой напарник предположил, что кто-то из вас находился здесь в момент обнаружения трупа. Мне бы хотелось с этими офицерами поговорить.

Полицейские переглянулись. Не привыкли они подчиняться агентам конкурирующего ведомства. Но полученный приказ был однозначен: оказывать содействие Федеральному Бюро Расследований, которое и будет заниматься этим делом.

Один из офицеров сделал шаг вперед.

– Моя фамилия Фолкнер...

Он вкратце описал, как по жалобе жителей одного из близлежащих домов, две полицейские машины прибыли на заправочную станцию и, опустив некоторые сомнительные и второстепенные детали, рассказал каким образом был обнаружен труп.

– Не заметили ничего подозрительного в поведении этих ребят? – спросил Энтони.

– Да вроде нет... Ведут себя абсолютно естественно. Пьяные, конечно, все, но с убийством как-то не вяжутся. Слишком шумные.

– А заправщик?

– Вот о нем сказать ничего не могу. Когда обнаружил тело, выглядел достаточно испуганным. Но в работе со всяким приходилось сталкиваться... Вы понимаете? – Фолкнер со значением посмотрел на собеседника.

– Понимаю, – согласился Дюваль. – Вы рассказывали, что ваш напарник проверял документы этих ребят.

– Проверял.

– И, наверное, сделал с них копии?

Фолкнер повернулся к одному из стоявших чуть в стороне офицеров:

– Рауль, ты снял копии с их документов?

– Как и положено по протоколу, – отозвался Мартинес.

– Прекрасно, – похвалил Дюваль. – Надеюсь – поделитесь, чтобы нам не пришлось начинать процедуру с нуля.

Мартинес вопросительно посмотрел на своего товарища.

– Поделится, – вздохнул Фолкнер, – куда он теперь денется?

– Не знаете, сколько времени они пробыли здесь до вашего прибытия?

– Думаю – недолго. Мы приехали буквально через пару минут после вызова. Находились неподалеку. Да и они успели только заправиться.

– И пошуметь, – добавил Рауль. – Если немного пофантазировать, можно предположить, что вся эта шумиха была устроена для того, чтобы не было слышно выстрела.

– Не вяжется, – сказал Дюваль, – убийство произошло часа за два до того, как заправщик обнаружил тело.

– Здесь?

Энтони на секунду задумался, прикидывая, стоит ли делиться с полицейскими своими соображениями.

– А вот этого мы пока точно не знаем. Не заметили, кто-нибудь из ребят отходил в сторону во время вашей беседы?

– Уверен, что – нет, – Фолкнеру не понадобилось и секунды для ответа. – Все находились около бензоколонки. Вели себя достаточно вызывающе... Но никто никуда не отходил. Постоянно были в поле нашего зрения.

– А работник?

– Тоже все время стоял рядом, – сказал Рауль. – Мы, конечно, не обращали на него особого внимания, не могли предположить, чем все обернется, но я бы заметил.

– Ну, и не будем гадать, – подытожил Энтони. – Уверен, что здесь понатыканы камеры, так что, у нас еще будет возможность все детально рассмотреть. Вы ничего не упустили? Не хотите, что-нибудь добавить.

– Когда мы обнаружили труп, – сказал Фолкнер, – одна из девушек сразу его узнала. Она – дочь сенатора, и встречалась с ним на каких-то тусовках.

– Как... узнала? – изумился Дюваль. – И вы можете мне его назвать?

– Только с ее слов, конечно. Но... я думал, вы знаете, кто это. Иначе, с какой стати вы бы здесь находились?

– Да говорите же!

Фолкнер неуверенно посмотрел на своих товарищей. Те молчали, давая ему возможность самому принимать решение.

– Она сказала, что его зовут Дуайт Коллинз. Он родной брат Дэвида Коллинза – губернатора нашего штата.

4.

Вылет рейса Атланта – Сакраменто задерживался. Где-то на трассе бушевала гроза, и синоптики рекомендовали ее переждать. Фрэнк Чапмен уже несколько раз украдкой поглядывал на часы. Лариса это заметила. Как, впрочем, замечала каждый раз, когда он ее провожал.

– Не переживай за меня, милый, – усмехнулась она. – Сделай вид, что набрался мужества и поезжай домой. Я уже взрослая девочка и сумею найти себе место у окошка.

Фрэнк молча, не отрываясь, смотрел на летное поле. Там выстроилась послушная цепочка самолетов, готовая по приказу невидимого, но всемогущего диспетчера разлететься во все концы света. Он думал, что большинство из них скучно и обыденно долетят до известного пункта назначения. Возможно, преодолев по пути несколько турбулентных зон. Другим придется на какое-то время отклониться от намеченного маршрута. Самые невезучие будут вынуждены воспользоваться запасным аэродромом. Если, конечно, успеют.

Чапмен вдруг почувствовал первые признаки этого знакомого и сладкого волнения, когда в нем начинала зарождаться мелодия. Подумал, что готовые взлететь самолеты можно обозначить скрипками и кларнетами. На взлете зазвучат валторны и ударные. А уж потом всей мощью оркестра он расскажет о самом полете. Весело нафантазирует, что происходит внутри каждого лайнера. Покажет, куда именно он летит, добавив для этого экзотические напевы и инструменты. И, конечно же, радостным апофеозом все они приземлятся в одно и то же время. По всей земле будут обниматься счастливые, уставшие от долгой разлуки люди.

Девушка за стойкой объявила начало посадки. В терминале появилась группа стюардесс. Одна из них, заметив Ларису, помахала ей рукой.

– Привет, дорогая. Опять с нами? Не устала от своих командировок?

– Да вот, все думаю сменить работу, – улыбаясь, ответила Лариса. – Никак не могу решиться.

– Тогда и не меняй, – обернулась девушка. – Главное, чтобы нравилось.

– Пока нравится, – Лариса оценивающе посмотрела на Фрэнка. – Можно даже сказать – влюблена...

Фрэнк Чапмен мало что понял из этого диалога. Но это его не особенно огорчило. Он вообще крайне редко замечал посторонние звуки. Старался не обращать на них внимания. Ему вполне хватало тех, которые звучали внутри него.

– О каких это командировках она говорила? – скорее из вежливости спросил он.

– Часто летаю. Примелькалась. Вот и сочиняю сказки про деловые поездки. А ты бы хотел, чтобы я рассказала, как мчусь на свидания к женатому любовнику? Через всю страну и с подозрительной регулярностью.

– Я бы не хотел, – чуть подумав, ответил Фрэнк. – Но мне кажется, что им совершенно безразлично, куда ты летаешь.

– И мне так кажется, – согласилась Лариса.

– Тогда я не понимаю...

– И не нужно. Пусть в этом мире будет хоть один мужчина, который чего-то не понимает и не боится в этом признаться.

– Думаешь, это такая редкость? – удивленно спросил Фрэнк.

– Просто уверена. И очень горжусь, что этот единственный мужчина – мой. Пусть и на несколько часов в месяц.

– Лариса, ты же знаешь...

– Я все знаю. Поэтому сейчас сяду в самолет и полечу в Сакраменто. И даже дам себе слово, что больше никогда в жизни тебя не увижу. На пару дней хватит.

– А потом?

– Потом приду домой после шестичасовой операции, налью себе чего-нибудь выпить и начну планировать следующую поездку.

– А я буду тебя ждать.

– Будешь. И примчишься встречать с неизменным букетом. А через день привезешь сюда и сразу начнешь якобы незаметно подгонять время. Потому что у тебя маленький сын, законная жена и любимая сестра, которая не в восторге от наших с тобой отношений. Как она, кстати?

Фрэнк с удовольствием ухватился за эту возможность поменять тему разговора.

– Тебя это, правда, волнует?

– Проявляю уважение к твоим родственникам. Так что там у Аманды?

– Все то же самое. Пока никаких изменений. В нашей ситуации мы можем только ждать.

– Понимаю...

– Этого нельзя понять, – Фрэнк беспомощно развел руки в стороны. – С этим можно только научиться жить. Миа уже на пределе... Просто не представляю, как она держится. Совсем ведь еще маленькая девчонка.

– Ты говорил, что в ближайшее время вопрос может решиться.

– Ждем. Я же объясняю – это все, что нам теперь остается.

– И она по-прежнему ничего не пишет?

– Даже думать об этом не хочет. Я предложил ей поработать вместе, сочинить для меня какой-нибудь сюжет, но и это ее не вдохновило. Пообещала подумать, когда... если все обернется.

Очередь на посадку заканчивалась. Фрэнк и Лариса медленно пошли к стойке. Уже на подходе Лариса вдруг опустила сумку на пол, прижалась к своему спутнику и зашептала:

– Ты знаешь... Все думала, говорить тебе или нет. Может быть, сейчас и не лучший момент, но... У меня появился очень близкий человек. И он хочет на мне жениться. – Она чуть отстранилась и внимательно посмотрела на Фрэнка. – Как ты на это смотришь?

Фрэнк выглядел растерянным.

– Я пока не имел времени об этом подумать, – наконец, сказал он. – В любом случае, по моему, гораздо важнее, как на это смотришь ты.

– Я думаю, от такого предложения отказываться нельзя. Мне уже тридцать семь...

– Я помню.

– Неправда. Ты помнишь лишь о том, что тебе на двадцать лет больше. И что я ровесница твоей любимой сестры.

– Хорошо, – сказал Фрэнк. – Пусть будет по-твоему.

– Пусть будет, – кивнула Лариса.

– И ты думаешь, что у... твоего парня серьезные намерения?

– Да какие бы ни были... Во всяком случае, на первый взгляд производит впечатление весьма порядочного человека.

– В отличие от меня?

– Тебе очень не идет говорить глупости. – Лариса немного помолчала. – Он оказался единственным выжившим в крупной автоаварии. Я его оперировала почти целый день. Потом ждала, когда он очнется от наркоза. Сидела у его кровати и молилась. Знаешь, я молилась по-русски и почему-то очень боялась, что эта молитва может не помочь американцу. Дура такая... А потом в какой-то момент просто вырубилась на несколько минут. Когда очнулась, увидела, что он уже открыл глаза и внимательно на меня смотрит. А я не знала, что ему сказать. Так мы несколько минут молча друг друга и разглядывали. Наконец, он, видимо, принял самое важное решение в своей жизни и сказал: «Доктор, я знаю, что вы спасли мою жизнь. Теперь я должен на вас жениться.»

– Так и сказал – «должен»?

– Так и сказал.

– Ответственный, видимо, парень... – пробормотал Фрэнк.

– Не то слово. У него еще кружилась голова, он был очень слабенький. В любой момент могли начаться осложнения. А он уже думал о своих обязательствах. Настоящий мужчина. Разве можно такому отказать?

– Ты действительно ждешь от меня ответа?

Только сейчас они обратили внимание, что все пассажиры уже прошли в самолет. Лариса подхватила сумку и, не отрывая взгляда от Фрэнка, подошла к стойке. Получив посадочный талон, она еще раз обернулась, неловко взмахнула рукой и через несколько секунд скрылась в тоннеле.

Фрэнку Чапмену было четырнадцать лет, когда он стал лауреатом Национального конкурса юных пианистов. На предварительном этапе играл несколько пьес из «Времен года» русского композитора Чайковского. Наставник тогда посоветовал узнать что-нибудь о России, говорил, что это поможет глубже вникнуть в замысел автора. Фрэнк не особенно понимал, что Мастер имеет в виду, но он привык ему доверять, а потому отыскал в библиотеке несколько книжек об этой далекой и, как он знал, абсолютно заснеженной стране.

Уже потом, в своих многочисленных интервью он рассказывал, как сначала незаметно, а потом все настойчивее и ярче Россия начала заполнять его жизнь. Он постигал ее через музыку, литературу, полотна живописцев. Еще не зная русского языка, он заучил эпиграфы к каждой пьесе из «Времен года» и неустанно их повторял, наслаждаясь звучанием незнакомой речи, как музыкой.

– И мирной неги уголок

Ночь сумраком задела,

В камине гаснет огонек

И свечка нагорела.

Ему очень хотелось знать, что означают все эти слова. И он начал учить русский язык. Чуткий слух музыканта легко улавливал особенности чужой речи, а тренированная память надежно их сохраняла. В двадцатилетнем возрасте он впервые осуществил свою мечту и поехал в Советский Союз. Москва и Ленинград произвели на него ошеломляющее впечатление. Он не предполагал, что и мир вне музыки может быть так прекрасен. Особенно поразили его древние церкви. Выросший в протестантской семье, Фрэнк был сражен величавостью и богатством российских храмов. Он начал изучать православных философов. К тому времени он уже свободно мог читать их в подлиннике. Ночами просиживал над учением Сергея Булгакова о Софии Премудрости Божьей, недоумевая, почему эта книга была осуждена Московской Патриархией. Еще одной загадкой для него явилась насильственная смерть отца Павла Флоренского. Он перечитал все, что сумел найти о жизни и судьбе этого человека, но так и не смог понять, за что его расстреляли.

Поймет он это значительно позже. Когда рухнет Советский Союз, откроются доселе недоступные архивы, и поток ужасающей информации хлынет в Соединенные Штаты.

В сорокалетнем возрасте Фрэнк Чапмен решил креститься в Православие. К тому времени он уже был всемирно известным композитором. Его произведения звучали в самых престижных залах. Великие дирижеры считали за честь с ним работать.

А он продолжал оставаться таким же, каким был в юности: немного чудаковатым, но мудрым и невероятно одаренным человеком. Его сумбурные отношения с женщинами, о которых с таким упоением кричали таблоиды всего мира, придавали этому образу дополнительное обаяние.

Крестился Фрэнк в Атланте, в Церкви Марии Египетской, священник которой отец Питер, рыжебородый, краснощекий здоровяк, по рождению был ирландским католиком. Много лет назад, подвыпив, он решил поиграть в футбол. И как-то ненароком, на ровном месте споткнулся. Валяясь с переломом ноги в больнице, он закрутил роман с медсестрой, иммигранткой из Украины. А когда их отношения вышли на качественно новый уровень, и встал вопрос о заключении законного брака, вдруг выяснилось, что невеста не представляет себе семьи без венчания, а мужа – ирландского католика. Ирландского-то еще ладно, главное, что человек хороший, а вот католика – увольте. А Питеру было все равно. Прекрасная украинка, с такой пленительной фигурой, значила для него гораздо больше, чем все религии в мире. Не особенно задумываясь о последствиях, он, шутя, принял веру невесты. Но любимой формального обращения оказалось мало, и она каждый вечер делилась с мужем тайнами Православия. Зачастую, к неудовольствию Питера, предпочитавшего другие занятия, тоже, по его мнению, способные укрепить семейные отношения. Но любовь, как известно, творит чудеса, и Питер с причудами жены, в конце – концов смирился. Даже с сорокадневным постом, который, как известно, предполагает отказ не только от скоромной пищи. А через несколько лет, отучившись, и вовсе стал Православным священником. Русского языка он, правда, так и не выучил, но знал, что Бог внимает молитвам, независимо от того, на каком наречии они произносятся.

Крестившись, Фрэнк Чапмен решил несколько упорядочить свою жизнь. Ему ведь объяснили, что все его прошлые грехи теперь списаны, так что, не стоит зарабатывать новые. Он старался. Но было тяжело. Дорога не всегда была гладкой, и Фрэнк, будучи человеком неглупым и жизнелюбивым, зачастую на ней спотыкался. Как правило, не без удовольствия. Возмездие не заставило себя ждать.

Ему тогда не было и пятидесяти лет. В тот день он репетировал с оркестром свой новый опус. И внезапно почувствовал, что ему не хватает воздуха. Он попросил увеличить мощность кондиционера. Ему ответили, что она прочно зафиксирована на максимальном уровне. А воздуха становилось все меньше и меньше...

Очнулся он в машине скорой помощи. Над ним колдовали какие-то люди. Тревожно гудела сирена. Он попытался улыбнуться и спросить на каком он свете. И то, и другое давалось с большим трудом. Но все же его радовало, что боли не было, а дышалось легко. О предназначении трубочек, подвешенных у его носа, он и не догадывался.

Машина, по всей видимости, въехала в здание больницы и остановилась. Фрэнка выкатили в коридор и куда-то поволокли. Больше всего в тот момент ему хотелось увидеть сестру. Аманда всегда умела найти нужные слова, когда ему требовалась поддержка.

Его привезли в какую-то большую комнату. Через секунду, на ходу рассматривая рентгеновские снимки, появился доктор.

– Мистер Чапмен, – сказал он, – я буду краток. У вас инфаркт. Это плохая новость. Хорошей нет. Нам необходимо получить ваше согласие на срочную катетеризацию.

Корень слова «катетеризация» вызывал весьма тревожные и неприятные ощущения.

– Нельзя ли чуть более подробно, доктор? – осторожно спросил Фрэнк.

– Можно. Только в общих словах. Времени у нас в обрез. Мы введем в вас тонкий проводок, и с его помощью постараемся устранить закупорку сосуда. Если удастся, то мой билет на ваш воскресный концерт не пропадет...

– А если нет?

– ... придется сохранить его, как память. Давайте не будем терять время. Достаточно вашего устного согласия. Можете просто кивнуть головой.

– Вы не оставляете мне выбора...

– Признаться, вы мне тоже.

К Фрэнку моментально подошли две медсестры. Одна отработанными движениями начала подключать его ко множеству висевших на стене мониторов. Другая бесцеремонно стянула с него трусы и начала сбрасывать волосы внизу его живота.

– Бритва-то хоть свежая? – невесело пошутил Чапмен.

– Одноразовая, – ответила девушка, ощупывая самые интимные точки в поисках наиболее пригодной вены.

И тут случилось непредвиденное. Организм Фрэнка отреагировал на эти прикосновения самым естественным образом. Несмотря на инфаркт, общую слабость и подавленное состояние. Фрэнк сконфузился. Девушка взглянула на него. В глазах ее сверкнул насмешливый огонек.

– Охренеть можно, – неожиданно пробормотала она по-русски, – одной ногой в могиле стоит, о душе пора думать, а ему тут бабу подавай...

Несмотря на драматичность ситуации, Фрэнк неожиданно развеселился. Представил, как отреагирует девушка на его русский.

– О душе я подумал несколько лет назад, – признался он. – Когда крестился в вашу веру.

Было заметно, что звуки родной речи медсестру несколько озадачили. Но длилось это буквально несколько секунд.

– В мою веру не крестятся, – ответила она. – Там совершенно другие обряды.

– Расскажите?

– Как-нибудь потом. Если будете лежать спокойно. В вашем положении резкие перепады давления, – медсестра кивнула на его живот, – могут иметь... непредсказуемые последствия.

Фрэнк сделал было неловкую попытку подтянуть на себя простыню, но девушка резким движением ее отдернула.

– Бойтесь поколебать мои нравственные устои? – спросила она. – Успокойтесь: на работе они незыблемы.

– Нет-нет, – запротестовал Фрэнк, – будьте так добры, говорите по-русски. Как-никак я – православный. До последнего момента буду думать, что со мной разговаривает ангел. Так и уйду счастливым. Согласитесь, не каждый покидает сей мир под ангельский шепоток. Вы не находите это изысканным?

– Я нахожу это несколько преждевременным... Теперь постарайтесь не двигаться. Мне нужно ввести катетер.

– Пожалуйста – пожалуйста. Чувствуйте себя, как дома... – Фрэнк ерничал, стараясь отогнать тревожные мысли. – А что... – вдруг спросил он, – ...это ваше замечание, насчет одной ноги... Банальная фигура речи или, так сказать, медицинский факт?

– Минут через тридцать узнаем... – неопределенно ответила девушка. Она была занята, и Чапмен понял, что не стоит отвлекать ее глупыми вопросами: упаси Боже, еще что-нибудь напутает.

Он замолчал, пытаясь разобраться в своих ощущениях. Сосредоточиться на какой-то одной мысли было трудно. Он почему-то подумал о флейтистке, с которой собирался встретиться после репетиции. Представил, что станет с Аmandой, когда она узнает о случившемся. Вспомнил, как граф Толстой уверял, что «смерть есть только перемена должности». Он не был

уверен, что готов к таким кардинальным переменам. Задумавшись, Фрэнк, как это часто с ним бывало, на короткое время выпал из реальности. И даже вздрогнул, когда спрятанный где-то над головой динамик, бесцеремонно вернул его в процедурную:

– Девочки, у вас все готово?

– Конечно, доктор, – медсестра закрепила пластырем провод и, наконец, накрыла пациента простыней. – Давайте начинать, – сказала она ему. – Когда выйдете отсюда, не забудьте пригласить на свое выступление.

– С удовольствием. Приколите мне, пожалуйста, на грудь свою визитную карточку. Увы, карманов вы мне не оставили.

Он ждал прихода доктора. Тот долгое время не появлялся. Прошло около получаса. Девушка все это время сосредоточенно наблюдала за мониторами. Фрэнк забеспокоился. Врач так торопил его с принятием решения, что теперь эта отсрочка настораживала. Скрывая волнение, он безостановочно болтал с медсестрой, щеголяя своими глубокими познаниями русского языка. Но, наконец, волнение взяло верх.

– Не знаете, доктор уже вернулся с обеденного перерыва?

Девушка удивленно взглянула на него:

– Что вы имеете в виду?

– Боюсь, что он опоздает, и я для вас буду не только старым, но и безнадежно больным. Может быть, начнем операцию без него?

– Мы ее уже заканчиваем. А доктор сидит у монитора, метрах в пятидесяти отсюда...

– Старается держаться от меня подальше, – догадался Фрэнк.

– На всякий случай, чтобы не доставали глупыми вопросами. Давайте-ка, перебирайтесь на каталку, пора отправляться в приготовленные для вас апартаменты.

Чапмен ожидал боли или хотя бы неприятных ощущений. И был приятно удивлен, как быстро и незаметно все закончилось.

Операция прошла успешно. Вскоре его привезли в палату. Он боялся, что лежать в больнице придется достаточно долго, но заскочивший врач обрадовал, что сердце его пострадать не успело, сосуды ему прочистили, а потому домой он отправится уже завтра. Придется, правда, подсесть на таблетки, но они не обременительны.

– В каком смысле, доктор?

– В прямом. Не требуют специальных диет, полного отказа от алкоголя, ограничения физических нагрузок. Вы играете в теннис?

– Нет.

– Жаль. Могли бы размяться под моим наблюдением. Ну, всего хорошего. В воскресенье приду на концерт. Вопросы есть?

– Только один: как зовут ту русскую медсестру, которая вам ассистировала?

– Bravo! – засмеялся доктор. – Вот наглядное подтверждение, что я действительно один из лучших кардиологов в этой стране. Вас больше ничего не волнует? Ну, и радуйтесь. – Он открыл дверь и собрался выйти из комнаты.

– Так как насчет имени?

– Простите, дорогой друг, девушка не давала мне полномочий раскрывать сокровенные тайны своей личной жизни. Уверен, как джентльмен вы меня поймете.

На следующий день Чапмена отпустили из больницы. До воскресного концерта осталось совсем немного времени. Не заезжая домой, он поехал на репетицию. Увидев его, музыканты искренне обрадовались. Фрэнка любили все.

Три дня он практически не вылезал из репетиционного зала, совершенно забыв о недавнем приступе. Работе он привык отдаваться полностью. Да и вообще жил, как говорят русские, «на полную катушку».

Концерт прошел с триумфом. Восторженные зрители около получаса не отпускали Фрэнка и его ребят со сцены. К дому он подъехал около полуночи. На противоположной стороне дороги стояла незнакомая машина. Он даже не взглянул в ее сторону, но при его появлении дверь автомобиля открылась и из него показалась невысокая стройная фигурка.

– Если ты не пришьешь мне билет и на свой следующий концерт, то, поверь, я легко найду с кем туда пойти.

– Это угроза?

– Пока предупреждение. Но последнее.

– Как ты меня нашла?

– Ты уверен, что хотел спросить именно это?

Фрэнк взял ее руками за голову и прижался к ней губами. Это был самый долгий поцелуй в его достаточно беспутной жизни. Наконец, девушка неохотно вывернулась.

– Например, не хотел бы поинтересоваться, как меня зовут?

– Мне все равно.

– Понимаю... Но так, на всякий случай: меня зовут Лариса.

5.

Ровно в полдень Энтони Дюваль входил в кабинет Терри Вудса. Криминалист дождался его вместе с Нэнси Купер, появившейся на несколько минут раньше.

– Нэнси, – сказал эксперт при его появлении, – хочу поделиться с тобой одним наблюдением. Как человек умный и внимательный, я давно заметил, что самые ленивые бездельники, как правило, славятся своей пунктуальностью. И знаешь почему? У них гораздо больше возможностей планировать свое время. Взгляни хотя бы на нашего общего друга Энтони. Свежий, бодрый. Не иначе, успел пару часов вздремнуть. И появляется с точностью Нового года, вызывая у нас с тобой не только зависть, но и глубокое уважение.

– Терри, – восхитился Дюваль, – ты сегодня превзошел самого себя. Столько умных слов и без единой запинки.

– Ты мне льстишь, – смущенно пробормотал Вудс, – не иначе, хитрец, хочешь чего-нибудь от меня получить.

– Мечтаю. И именно эта мечта погнала меня сюда в такую рань. Не томи душу. Поделись, какие тайны бытия раскрылись перед тобой?

– И небытия тоже, – вздохнул криминалист. – Правда, я не уверен, что ты способен их в полной мере оценить.

Нэнси, скучая, озиравшись по сторонам. К этим пикировкам друзей она уже давно привыкла. Поначалу агент Купер с удовольствием прислушивалась, находя эти словесные упражнения достаточно забавными. Но затем перестала обращать на них внимание. И каждый раз терпеливо дожидалась, пока Терри и Энтони решат, наконец, перейти к делу.

– И все же, попытайся, – сдался Дюваль, – а я тебе за это постараюсь быть чем-нибудь полезным.

Терри взял в руки пульт дистанционного управления и повернулся к монитору, висящему на стене. На экране появилась заправочная станция.

– Итак, – начал криминалист, – давайте вместе посмотрим занятную документальную киношку. Говорят, помогает для общего развития. А я вам, нерадивым, кое-что поясню. Это вид с камеры наблюдения так полюбоившейся нам заправки. Вы видите, что в четыре часа две минуты станция еще пуста. Вот из-за угла появляется работник, совершавший обход... Больше никого не видно. Но не пройдет и одной минуты, как на площадке появится эта веселая группа молодежи на «Хаммере».

И действительно, в дальнем углу станции засветились огни въезжающей машины.

– Ребята подъезжают к колонкам, – продолжал комментировать Терри, – выскакивают, резвятся. Вот к ним подбегает заправщик. О чем они разговаривают – непонятно. Видно, что парень чем-то обеспокоен. Прокрутим немного вперед... Обратите внимание, прошло две минуты. Компания наша продолжает веселиться, заправщик нервничать. И нет им никакого дела, что...

– Стоп! – почти одновременно закричали Нэнси и Энтони.

– Я знал, что вы тоже заметите, – улыбнулся Терри. – Хотя видимость, конечно, отвратительная.

На экране было хоть и смутно, но все же заметно, как следом за «Хаммером» на заправку въезжает еще одна машина. Но если автомобиль ребят беззаботно светил фарами, то огни второй машины были полностью потушены. Разглядеть ее на экране было невозможно. Виднелись лишь неясные очертания.

Незнакомая машина, буквально в тридцати метрах от бензоколонок, тихо проследовала к задней стороне заправки.

– А теперь понаблюдайте за ребятами. Видите. Ни один из них не обращает на этот второй автомобиль никакого внимания.

– Или старательно делает вид, что не обращает, – предположил Дюваль.

– Не исключаю. Хотя, у Нэнси на этот счет может быть свое мнение.

Энтони с интересом посмотрел на партнершу. Но специальный агент Купер выглядела не менее удивленной.

– Я еще не высказывала своего мнения, – сказала она.

– Пока – нет, – согласился Терри, – но запись, которую ты нам предоставила, все же говорит в пользу этих ребят. Пусть и косвенно.

– Какая запись? – поинтересовался Энтони.

– Спать меньше нужно. Расскажите, агент Купер.

– Когда ребята веселились на заправке, один из них решил этот балаган увековечить. В беседе со мной, он об этом вспомнил и предположил, что запись может нам помочь.

– И наша Нэнси получила дорожный подарок, – подытожил Вудс.

– Только на время. И, кстати, сразу передала тебе.

– Между прочим, не напрасно. Хотите еще кино?

Вудс повернулся к монитору. На экране снова появилась пьяная компания, рядом стоял смущенный работник заправки. А в дальнем конце, за угол тихонько заезжал автомобиль.

– Согласитесь, тут видимость несколько лучше. Можно разглядеть, что это – внедорожник. Мои ребята потом определят, конкретную марку. Да и цвет сумеют вычислить. Но главное не это. Посмотрите. Вот она заезжает за угол. Камеры на тот участок не направлены. А здесь просматривается маленький кусочек багажника. И что мы видим?

– Что машина за углом остановилась, – сказала Нэнси. – И как раз на том самом месте, где потом нашли Дуайта Коллинза.

– Умница, – похвалил Вудс, – как же с тобой приятно работать. Может быть еще и выводы сделаешь? Или ты, Энтони.

– Могу лишь предположить, что парня там высадили.

– И в недопустимо грубой форме, – подтвердил Терри. – Особенно, если судить по его разбитому затылку.

– Разбить могли и раньше, – усомнился Дюваль.

– Там клочки волос на земле, характерные травмы... Не обращай внимания – доверься профессионалам. К тому же, мы видели, что клерк только что совершил обход и нашего подопечного там еще не было.

– А вот это мы знаем только с его слов.

– Согласен. А потому стащил с места происшествия обе камеры. Ребята мои сейчас проматривают, начиная часов с девяти вечера. Правда, в любом случае, этот заправщик тоже о них знал.

– Но если он врет, то труп мог там пролежать около двух часов.

– А эта машина приехала проверить наличие и сохранность, – усмехнулась Нэнси.

– Она вообще могла оказаться там случайно. Водитель мог на несколько секунд остановиться, увидев лежавшего на дороге мужчину, а, убедившись, что он не совсем живой, смыться от греха подальше.

– И что навело уважаемого коллегу на такие предположения? – спросил криминалист.

– Только то, что заправочная станция не самое надежное убежище для свежего покойника. Зачем кому-то понадобилось его туда тащить? Как-будто специально выставили на всеобщее обозрение. – Энтони ненадолго замолчал. – Кстати, а куда машина-то делась?

Терри Вудс опять повернулся к монитору.

– Еще один подарок от наших нетрезвых друзей. Не поленились запечатлеть панораму.

На экране было видно, как с другой стороны заправки появляется силуэт внедорожника, выворачивает на улицу и исчезает за поворотом.

– Сами видите, – пояснил Терри, – что станцию можно объехать и с задней стороны. Что он и сделал. Следы протекторов мы, конечно, сняли, но каких-либо особенностей пока не нашли. Парни сейчас проверяют полицейские камеры на дорогах. Может и застукаем по свежим следам. Если очень повезет. Хотя, – он со сомнением покачал головой, – боюсь, что все не так просто.

– Не бойся, – успокоил его Энтони. – И не такое раскрывали. Что тебя печалит?

– Во-первых, личность убитого. Родной брат губернатора. А во-вторых, оружие убийства... Достаточно экзотическое.

– Неужели, мушкет Понтиака? – спросила Нэнси.

– Чуть ближе по времени. Это девятимиллиметровый русский пистолет Макарова.

6.

Миа позвонила через три дня. Все это время Ник Портер добросовестно изучал жизнь и творчество Аманды Чапмен.

Он высчитал, что недавно ей исполнилось тридцать семь. Двенадцать лет назад она опубликовала свой первый роман, моментально ставший бестселлером. Цифры продаж уверенно били национальные рекорды. За несколько месяцев никому не известная журналистка провинциальной газеты, стала одной из самых популярных женщин страны. Книгу перевели на многие языки мира. Компания «Парамаунт» в срочном порядке запустила в производство кинофильм. В кулуарах шли разговоры о возможном присуждении Пулитцеровской премии. Критики отмечали, что за последние годы такой грандиозный успех сравним лишь с появившимся на несколько лет раньше «Кодом да Винчи» Дэна Брауна.

Молодую писательницу буквально разрывали приглашениями на различные телевизионные шоу. И каждый раз ее появление вызывало неподдельный восторг у зрителей. Аманда вела себя абсолютно раскованно, живо и остроумно парировала заготовленные выпады ведущих. Опра в одном из своих интервью вспоминала ее, как одну из самых обаятельных собеседниц. Дэвид Леттерман назвал ее украшением своего «Позднего шоу».

За девять лет Аманда Чапмен опубликовала семь романов. И каждый раз попадала в список наиболее читаемых авторов. Все они были экранизированы, один даже номинировался на «Оскар». Правда, премии в результате так и не получил. Трогательной истории о любви начинающей голливудской актрисы и джазового музыканта, киноакадемики предпочли жесткий рассказ о наркоманах и проститутках.

Три года назад Аманда Чапмен замолчала. За это время она не напечатала ни одного произведения, совершенно исчезла с телеэкранов, перестала мелькать на светских тусовках. Робкие попытки журналистов узнать, что случилось со вчерашним кумиром, наталкивались на вежливое, но твердое сопротивление ее литературного агента. А через несколько месяцев и сам агент выступил с заявлением, что прекращает работу с писательницей. Причину называть не стал.

Ник Портер несколько дней не отходил от компьютера. Он нашел в сети все, что можно было прочитать об Аманде. Знал, где она родилась, в каких школах училась, кто были ее родители. Он не смог найти ответ лишь на два вопроса, которые его интересовали: почему Аманда Чапмен так внезапно ушла из литературы, и кто был отцом Мии.

Конечно, в том, что знаменитая писательница внезапно перестала сочинять, еще не было ничего загадочного. Творческий кризис может случиться у каждого. История знает и не такие случаи. Но гораздо больше Ника настораживало странное поведение Мии. Он старался отогнать от себя тревожные предчувствия. Опять называл девочку маленькой и не самой умной фантазеркой, но в глубине души понимал, что ввязывается в очень странную, если не опасную авантюру.

Правда, его это не особенно и пугало. На пятом десятке человека вообще очень трудно чем-либо запугать.

Миа предложила встретиться около шести вечера. Ник не возражал. Потеряв работу, он имел возможность свободно распоряжаться своим временем.

Он не мог себе объяснить, зачем пришел в кафе минут на пятнадцать раньше. Занял столик в углу, попросил чашку чая и стал наблюдать за входом. Миа появилась ровно в шесть. Следом за ней в кафе вошла женщина. Ник Портер чуть не присвистнул от удивления: Аманда Чапмен словно сошла с газетных полос и просмотренных им телепрограмм. За три года она совершенно не изменилась. Ник подумал, что узнал бы писательницу, даже не зная о ее приходе.

Остановившись у входа, Миа начала целенаправленно высматривать Ника. Он едва удержался, чтобы не помахать ей рукой. Аманда чуть близоруко осматривалась по сторонам. Подошедший метрдотель начал предлагать им столики на выбор. Миа указала на один, стоящий неподалеку от Портера. Туда они и направились. Ник сделал вид, что углубился в изучение меню. Проходя мимо него, девочка вдруг ненароком уронила свою сумочку. Портер опять почувствовал себя персонажем шпионского романа. Но, тем не менее, оторвался от чтения и наклонился. Через секунду он уже подавал сумочку Мие, которая с изумлением на него смотрела.

– Ник, – вскрикнула она, – какая неожиданная встреча. Надо же было мне так оплошать как раз возле твоего столика. В любом случае, спасибо. Как поживаешь, Ник?

– Благодарю. Неплохо. – сдержанно ответил Портер. Он не знал, как правильно реагировать на бурную радость шестнадцатилетней девочки. Особенно, в присутствии ее мамы. – Как ты?

– Да мало что изменилось с момента нашей последней встречи на беговой дорожке. Думаю, и у тебя тоже... Знакомься. Это моя мама. Ее зовут Аманда. Мама, это Ник Портер. Мы занимаемся в одном спортивном клубе. Он математик, – добавила она с такой гордостью, как будто представляла Нобелевского лауреата. – И баскетболист.

– Бывший баскетболист, бывший математик, – поправил Ник.

– Про бывших баскетболистов слышать приходилось, – улыбнулась Аманда, – а вот бывший математик – это что-то новенькое. Неужели позабыли все формулы?

– Большинство, – признался Ник. – У них есть потрясающая способность выветриваться из памяти за ненадобностью.

– Точно, – обрадовалась Миа, – выветриваются. Расскажи это моей училке. Старая мымра уже достала всех своей зубрежкой.

– И уверена, что делает это из добрых побуждений.

– Откуда ты знаешь?

– Все учителя одинаковы. Я сам таким был.

– И что же изменилось? – спросила Аманда.

– Не очень многое. Просто в один прекрасный момент понял, что половина класса знает все лучше меня.

– А вторая?

– Вторая забывает то, что я говорю, еще до конца фразы. И я, как ни странно, на них за это совершенно не в обиде.

Аманда чуть отвела глаза в сторону. Задумалась.

– Видимо, вы правы. Здесь не на что обижаться. Память сама решает, что ей сохранять. К счастью, это относится не только к формулам...

– Не только, – согласился Ник. – А почему – к счастью?

– Потому что способность забывать – это один из величайших даров, который мы получили от природы.

– И вы думаете, он делает нас счастливее?

– Я думаю, каждый из нас готов с радостью забыть определенные моменты своей жизни.

Или вы с этим не согласны?

– Не согласен, – после небольшой заминки ответил Портер. – Уберите их от меня, и я буду уже совсем другим человеком.

– Лучше? Хуже?

– Не имеет значения. Просто – другим.

– И вас это печалит? – Аманда со все возрастающим интересом смотрела на Портера.

– Скажем так, тревожит.

– А знаете, что меня тревожит? – вмешалась в разговор Миа. – Что мы стоим на виду у всего зала и ведем псевдофилософские беседы. Какие же вы, взрослые, зануды. Я есть хочу.

– Ну, так иди к столику и делай заказ, – отозвалась Аманда.

– Зачем мне еще идти к какому-то столику? У вас тут такая интересная дискуссия, что, думаю, Ник не захочет ее прерывать и с удовольствием пригласит нас за свой. Правда, Ник?

– Только, если твоя мама не возражает.

– Надеюсь, ты еще не успел ей так сильно надоест. Остаемся, мама?

– Как хочешь, – кивнула Аманда. – Но пусть Ник, заранее извинит, если нам вдруг придется внезапно уйти. Не принимайте это, пожалуйста, на свой счет.

Портер сделал вид, что не обратил внимания на последнюю фразу писательницы. Он выдвинул стулья, галантно предложил женщинам занять свои места и подозвал официанта. Пока дамы обсуждали заказ, он смотрел на Аманду Чапмен, пытаясь разглядеть в ней черты той загадочности, которая сопровождала ее три последних года. Но ничего таинственного не находил. Перед ним сидела молодая женщина с чарующей улыбкой и умными, внимательными глазами. Портер подумал, что, скорее всего, слишком доверился таблоидам, создавшим легенду о загадочном уходе из литературы знаменитого автора. А может быть, и она сама принимала участие в создании этого мифа. «Почему бы и нет? – предположил Ник. – Сочинила несколько бестселлеров, заработала уйму денег и ушла на вполне заслуженный отдых. А напоследок еще и комедию разыграла.» Но в эту догадку совершенно не вписывалось организованное Мией знакомство. Поверить в то, что богатая, все еще известная и очень красивая женщина нуждается в посредничестве дочери, чтобы найти себе кавалера, было невозможно.

– Так, где вы изучали математику, Ник? – спросила Аманда, когда заказ был, наконец, сделан, и официант отошел от столика.

– В Стэнфорде, – ответил Портер. – Хотя, изучал – слишком громко сказано. Больше количество времени мотался по стране с баскетбольной командой.

– Но все же выбрали математику в качестве основного предмета.

– Так получилось. Перед школьным выпуском случайно выиграл Национальную математическую олимпиаду. Вот и подумал...

– Что значит – случайно? – удивилась Аманда.

– Не верь ему, он скромничает, – пояснила Миа. – Выиграл на вполне законных основаниях. Я читала. А потом разрывался между спортом и наукой. Даже чуть профессиональным игроком не стал.

– И что же помешало? – заинтересовалась писательница.

Портер взглянул на Мию. Он помнил ее совет не вдаваться в подробности своего прошлого.

– Ростом не вышел, – нашел он наиболее подходящий ответ.

Миа одобритительно подмигнула... Аманда оценивающе разглядывала Ника.

– Пожалуй... – улыбнувшись, сказала она. – И долго вы работали в школе?

– Достаточно. Около двадцати лет.

– Потрясающее постоянство! – воскликнула Миа. – Ты так любишь детей?

– Сначала пришел туда на месяц-другой, после университета. – Портер не обратил внимания на восторги девочки. – Хотел осмотреться, подыскать более серьезную работу. Да так и остался... Наверное, понял, что дети – это тоже очень серьезно.

– Тогда почему ушли?

– А это мы с вами сегодня уже обсуждали. Помните? Моменты из прошлого, которые назойливо лезут в настоящее...

– Помню, – кивнула Аманда. – Хотите меня заинтриговать?

– Хотел бы, – неожиданно сознался Ник. – Но, боюсь, ничего интригующего во мне нет.

– В каждом человеке есть что-нибудь интригующее, – возразила Аманда. – Поэтому, не обольщайтесь: вы – не исключение.

Подошедший официант принялся расставлять на столе закуски. Воспользовавшись паузой, Ник еще раз попытался оценить ситуацию, в которой оказался. Он смотрел на Мию, надеясь, что она вдруг раскроется и поможет ему найти ответы на его вопросы. Но девочка вела себя абсолютно естественно, как будто действительно случайно встретила в ресторане знакомого по спортивному клубу. А вот в поведении ее матери угадывалась бережно охраняемая тайна. Ник сумел разглядеть печаль за внешне беззаботной улыбкой и необъяснимую тоску за беспечным разговором.

– Обожаю стейки, – поделилась Миа, отрезая себе кусок, – уверена, что человеку, который их избрал, уже поставили памятник.

– И можешь предположить, где именно? – поинтересовался Портер.

– Не знаю... Видимо, где-нибудь в Техасе... Или в Монтане.

– Будут другие предположения?

Аманда отрицательно покачала головой. Миа промолчала.

– Насчет памятника, не знаю. А вот появился стейк не в Техасе, не в Монтане и даже не в Джорджии.

– Неужели в Алабаме? – Миа прикрыла рот ладошкой.

– Почти. В Древнем Риме.

– Не может быть! – воскликнула девочка. Ее мама не сводила с Ника заинтересованного взгляда.

– Еще как может. И произошло это лет за сто до рождения Христа. Согласно древним обычаям, местные жрецы с удовольствием подкармливали своих многочисленных богов. А вкусы у тех были, как правило, далеко не вегетарианские. Поэтому ребята разжигали священ-

ный огонь под специальными решетками и клали на них ломти мяса, чтобы довести до полной готовности. Таких умных слов, как термическая обработка, они еще не знали, но и кормить Юпитера с друзьями- подругами сырым мясом им тоже было как-то неловко. Ну, и случилась неприятность. Какой-то неопытный да, видимо, и не самый умный жрец схватил кусок божьей говядины, обжегся, да и выронил его из рук. Хорошо еще никто не видел. А то бы сражаться ему со львами на ближайших играх. Думаю, своего непосредственного начальника он боялся больше, чем всю Олимпийскую команду. Поэтому мясо резво выложил обратно на решетку, а руки свои принялся старательно облизывать, чтобы по возможности скрыть следы преступления. И ему до того понравился запах, что он тут же, не особенно задумываясь о последствиях, слопал весь божеский обед, доложив начальству, что Боги остались довольны. Ему, естественно, поверили. А парень, видимо, все же был не совсем дурак. Поэтому воспользовался священным рецептом, несколько изменил его для приличия и начал кормить вкусным мясом не только богов. Говорят – разбогател.

– Как интересно? – Миа смотрела на Ника. – Ешь простой стейк и не знаешь, что делишь трапезу с Юпитером.

– В твоем случае, скорее, с Юноной, – отозвался Портер.

Он все еще уговаривал себя, что эта встреча ни к чему его не обязывает, можно извиниться и уйти в любой момент, но в глубине души уже понимал: сопротивляться магнетическому обаянию Аманды Чапмен он не в силах. Подняв глаза, он увидел, что писательница вновь его разглядывает.

– У вас есть дети, Ник? – неожиданно спросила она.

Такого интереса к своей личной жизни Портер не ожидал. Но решил, что Аманда просто пытается поддержать беседу, задавая ничего не значащие вопросы.

– Нет, – ответил он и пояснил, – я никогда не был женат.

– Не сумели отыскать свой идеал? Не отчаивайтесь. Его поиски иногда занимают целую жизнь.

– Звучит не очень оптимистично, – огорчился Ник. – Хотя, боюсь, что в моем случае идеал не могли отыскать во мне.

– Скромничаешь? – догадалась Миа.

– Увы, всего лишь подтверждаю свершившиеся факты.

– И много у вас таких фактов набралось? – улыбаясь, спросила Аманда.

Портер начал загибать пальцы, делая вид, что считает.

– В общем, хватило, чтобы превратить меня в закоренелого холостяка, – засмеялся он.

– Значит, они были не такими поучительными. Некоторым людям для этого хватает и одного опыта.

– Можете привести примеры? – спросил Ник, пытаясь сменить тему разговора.

– Могла бы, но, боюсь, получится довольно скучная история.

– А вот теперь вы скромничаете. Перестаньте, Аманда, у вас не бывает скучных историй.

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что, конечно, узнал вас лишь только вы появились в дверях. Еще до того, как Миа так неловко уронила свой кошелек. Надеюсь, вас это не удивляет?

Аманда Чапмен молчала, не сводя с Ника изучающего взгляда.

– Не удивляет, – наконец, согласилась она. – Я уже осведомлена, что у вас прекрасная память.

– Вероятно, Миа тоже из скромности не представила вас полным именем.

– Точно, – воскликнула девочка, – как говорил Сальвадор Дали, «Скромность – мой природный изъян!» Вот и мой тоже... Не могу же я в самом деле быть идеальной.

– Но вполне можешь к этому стремиться, – Аманда дотронулась до ее плеча.

– Абсолютно бесполезное занятие, – возразила Миа. – Дети великих родителей не могут быть идеальными. На них природа отдыхает.

– Да и они, как правило, себя не перетруждают, – сказала Аманда. – Так что тебе осталась самая малость – обзавестись великими родителями.

– Вполне достаточно, что у меня гениальная мать. Твоего таланта хватит на обоих. – Миа повернулась к Портеру. – Представляешь, Ник, уже шестнадцать лет мамуля отчаянно скрывает от меня имя моего загадочного родителя. Что ты на это скажешь?

– Скажу, что твоя мама, видимо, умеет хранить тайны. Ей можно доверять и государственные секреты. В любом случае, даже, если она тебе когда-нибудь и откроется, то явно не сейчас и не при мне. Ты не согласна?

Ник поймал на себе благодарный взгляд писательницы. С удовольствием записал его себе в актив.

– Ну, хорошо, убедил, – легко согласилась Миа. – Оставим допрос на потом. Тем более, что я еще не готова применять методы устрашения.

– И замечательно. Тогда я со спокойным сердцем могу вас на несколько минут оставить. Прошу меня простить.

Портер вышел из-за стола. Ему хотелось несколько минут побыть в одиночестве, чтобы привести в порядок свои мысли. Он помнил, как Миа при первой встрече говорила ему, что никогда не видела своего отца. Но, как только что выяснилось, она даже не знала его имени. Хотя, судя по ее словам и реакции Аманды, неоднократно спрашивала его у матери. Но Ник уже понимал: все эти вопросы волнуют его только потому, что он очень хотел продолжить знакомство с Амандой Чапмен.

Едва Портер отошел на несколько шагов, Миа повернулась к матери.

– Как он тебе? – заинтересованно спросила она.

– Очень занятный человечек, – задумчиво отозвалась Аманда. – Неглупый. И с ним очень легко общаться.

– Так почему бы тебе это общение не продолжить?

– Миа, мы этот вопрос обсуждали уже много раз. В моей нынешней ситуации я не могу себе этого позволить.

– Ты можешь позволить себе все! Я же понимаю, ты просто за него боишься. Не хочешь ему все рассказать?

– Чтобы об этом через несколько дней узнал весь мир?

– Он произвел на тебя такое впечатление?

– Первое впечатление бывает обманчивым.

– Не хочешь – не рассказывай. Но почему бы тебе не продолжить знакомство? К чему оно тебя обязывает?

– И не жалко тебе его?

– Ни чуточки. Он ведь будет счастлив. Ну, пусть какое-то время...

– А потом?

– А потом пусть сам думает, что ему делать. А я думаю о тебе.

– Я знаю.

– Откуда?

– Если я в бассейне обращаю внимание на парня, а потом он оказывается в нашем кафе, и моя дочь роняет около него свою сумочку, то нужно быть последней идиоткой, чтобы этого не заметить.

7.

Терри Вудс скучно перебирал бумаги на своем рабочем столе. Находившиеся в кабинете Энтони Дюваль и Нэнси Купер терпеливо ждали. Неторопливость эксперта – криминалиста давно вошла в поговорку.

– Терри, – наконец не выдержал Дюваль, – тебе нужно срочно менять работу. Могу составить протекцию в дипломатический корпус. Это там многозначительная пауза считается признаком великого ума. А у нас совершенно иной ритм жизни. Так что, прерви, пожалуйста, свой обет молчания и расскажи нам что-нибудь занятное.

– Да, Терри, – добавила Нэнси, – уверена, что полные сутки – это как раз тот срок, за который ты сумел вычислить убийцу.

– Так перебори свой страх. Назови нам этого негодяя. А мы уж, так и быть, с риском для жизни поедем его брать. Под смертельным пулеметным огнем.

Терри, наконец, аккуратно разложил документы перед собой и поднял голову,

– Не поедете, – сказал он. – Во всяком случае, сегодня.

– Хорошо, – согласно кивнул Дюваль, – повременим. Как насчет завтра?

Терри опустил взгляд на бумаги.

– Боюсь, что и завтра тоже.

– Что же натолкнуло тебя на такие пессимистические выводы? – осторожно спросила Нэнси.

– Во-первых, автомобиль.

– И что с ним не так?

– На нем стоял украденный номер. Он был свинчен с другой машины за несколько часов до убийства. Модель-то мы установили. Это темно-синий «Мерседес – Фургон». Но их только у нас на учете десятки тысяч. И неизвестно, откуда прибыл этот. А вот номер оказался ворованным. Со старенькой «Хонды». Мы ее отследили. Парень-владелец даже не знал, что его так жестоко обобрали. Выехал со служебной парковки около шести вечера перед убийством. Еще при всех опознавательных знаках. С ними же до семи стоял в трафике в Мидтауне. Что и подтвердили многочисленные камеры. А вот потом беспечно оставил машину на маленькой улочке, где навещал больного приятеля. Там у него номер и свистнули. Без десяти восемь попал под камеру на четырёхсотое уже как нарушитель. Извиняет его лишь абсолютная неосведомленность.

– Парня-то этого проверили?

– Как и положено. Но, боюсь, лишняя предосторожность.

– И сам «Мерседес», конечно, потеряли.

– Какой ты умный... Рассказать, как это произошло?

– Попробую догадаться. Убийца, или кто он там, заезжает в первую подворотню, ставит свои собственные номера и волшебным образом превращается в законопослушного участника дорожного движения. Даже при скудном ночном трафике, вычислить его становится сложно.

– Видишь, Нэнси, – восторгу Терри не было предела, – никакой возраст не властен над гением великого сыщика. Мои ребята покопались, конечно, с камерами на близлежащих улицах, но ничего путного не обнаружили. Скорее всего, он просто затаился до утра.

– Вряд ли, – возразил Энтони. – Он бы постарался поскорее смыться. Вот возьмем, для примера, Нэнси. Стала бы она прятаться недалеко от места, где оставила свежий труп?

– Ты не мог бы поискать другой объект для примера? – возмутилась Нэнси. – Что у вас обоих за дурная привычка?

– Правда, Энтони, не обижай девушку. Хочешь еще что-нибудь мудрое сказать?

– Лучше тебя послушаю. Очень повышает образовательный уровень. Например, какие-нибудь подробности об этом убитом парне.

Терри придвинул к себе несколько листов бумаги.

– Дуайт Коллинз. Как вы уже осведомлены, родной брат нашего губернатора. Младший. Тридцать два года. Пятнадцать лет назад откололся от своей богатой и влиятельной семьи. Практически не поддерживал никаких отношений. Появлялся только на официальных приемах. Да и то лишь после того, как брат занял свой высокий кабинет. Думаю, политику при-

шлось демонстрировать несокрушимость родственных связей. Занимался благотворительностью. Работал сразу в нескольких фондах. Холост. Пару раз попадался с легкими наркотиками. Список его телефонных связей я вам приготовил.

– Как насчет заграничных вояжей? – спросила Нэнси.

Терри взглянул на экран компьютера.

– У него даже не было заграничного паспорта. Это тебя, вероятно, смутил русский пистолет? Так успокойся. Они и у нас продаются в достаточном количестве.

Энтони взглянул на часы. До назначенной встречи с губернатором оставалось совсем немного времени. А ему еще предстояло отчитываться перед репортерами. Он уже продумал в какой мере может перед ними открыться. Хотя, по опыту знал, что зачастую они приходят на пресс-конференции со своими предположениями. Иногда даже подкрепленными достоверными фактами. Многие из них имели своих информаторов и в преступной среде, и в кругу его коллег. Потому предугадать заранее, как сложится разговор, было трудно. В многолетней практике агента Дюваля были случаи, когда именно вопросы и предположения журналистов наталкивали его на правильный путь расследования. Рассчитывать на это было, конечно, нельзя, а вот надеяться – можно. Тем более сейчас, когда у Энтони не было ни одной правдоподобной версии. Одно обстоятельство безнадежно разбивалось о другое. Если предположить, что убийство имеет под собой политическую подоплеку, то слишком многое указывало на неподготовленность исполнителя. Это и неточный выстрел, и грубо сворованные автомобильные номера, и тело в машине. Можно, конечно, предположить, что таким образом профессионал запутывает следствие, но об этом не хотелось даже думать. Отработка такой версии заняла бы многие месяцы. Да и фигура погибшего, не имеющего никакого отношения к политической деятельности, в эту догадку не вписывалась. То, что у Дуайта Коллинза при себе не оказалось никаких документов, могло объясняться как неуклюжей попыткой скрыть его личность, так и элементарным ограблением. Но в последнем случае, зачем было тащить его тело? Даже, если предположить, что убийство было совершено в машине, то оставалось совершенно непонятным, почему убийца решил избавиться от трупа именно на заправочной станции.

– Так что, Нэнси, как мы ни старались, нам не удалось обнаружить на теле ничего, что могло бы указать на убийцу, – заканчивал свою мысль Терри. – Ни одного отпечатка, ни одного волоска. Пусть косвенно, но наводит на мысль о профессионале. И наш друг Энтони мог бы эту мысль опровергнуть или подтвердить, если бы хоть на мгновение отвлекся от своих глубоких мыслей и обратил на меня свое благосклонное внимание.

– Я тебя внимательно слушал, Терри, – обиделся Дюваль, – особенно в той части, где ты рассказывал, об отпечатке кроссовка на рубашке убитого. Я тоже согласен, что по его расположению можно допустить, что таким образом труп выпихивали из машины. Тем более, что, как ты совершенно верно подметил, около него не оказалось ни одного свежего следа. Что-нибудь еще?

– Поработай пока с этим. У нас есть список звонков убитого, к вечеру постараюсь отделить для тебя наиболее любопытные.

– Уверен, что у тебя все получится, – подбодрил Энтони, – Не хочешь покрасоваться перед камерами?

– Боюсь затеряться на твоём фоне. Идите с Нэнси вдвоем. Тем более, что вам не привыкать позировать дуэтом.

– Лучше перед ними, чем перед тобой. За много лет я успел заметить, что у тебя специфические творческие пристрастия.

– Я тоже обратил внимание, что ты их разглядываешь с неподдельным интересом.

– Работа такая. Никуда не денешься. Правда, с удовольствием отмечаю, что твои натурщи перестали мне сниться по ночам. А тебе, Нэнси?

– Не могу сказать, что расцениваю его творчество, как высокое искусство, – осторожно сказала агент Купер, – но и как фильмы ужасов не воспринимаю.

– Видишь, как дамы черствеют на нашей работе, Терри. Прямо скажем, не без твоего активного участия.

В зале, предназначенном для проведения пресс-конференций, Энтони и Нэнси нетерпеливо ожидали два десятка репортеров. Агенты привычно прошли к трибуне, постучали по микрофонам, проверяя их готовность. Дюваль предупредительно поднял руку.

– Ребята, – сказал он, – времени у нас немного. Поэтому сначала я сделаю маленькое заявление, которое, надеюсь, поможет вам заполнить первые полосы, а потом мы с агентом Купер постараемся ответить на ваши вопросы. Итак... – Энтони взял небольшую паузу, еще раз продумывая и тщательно взвешивая каждое свое слово. – Вчера утром на одной из заправок в Мидтауне был обнаружен труп родного брата губернатора нашего штата. В политической жизни он участия не принимал, поэтому широкой публике известен не был. Погибшего звали Дуайт Коллинз, ему было тридцать два года. Работал он в нескольких благотворительных фондах. Сразу оговорюсь, что политические мотивы убийства, которые так для вас соблазнительны, пока не подтверждаются. Поэтому прошу вас быть весьма аккуратными в своих предположениях.

Дюваль вопросительно посмотрел на Нэнси. Та наклонилась к микрофонам.

– Предваряя ваши вопросы, скажу, что Дуайт Коллинз был застрелен, оружие убийства нам известно. Также у нас есть около десятка свидетелей, находившихся на заправке, когда там было обнаружено тело. При погибшем не оказалось ни денег, ни документов, так что, мы допускаем и версию ограбления. Очень просим вас проявить деликатность и осторожность при раскрытии личности убитого и его родственных связей. Вопросы.

– Почему еще не было заявления губернатора о случившемся?

Нэнси чуть отодвинулась от микрофонов, подпуская к ним Дюваля.

– Прямо после нашей встречи мы собираемся на встречу с братом убитого. Думаю, что сразу за ней последует и его заявление.

– Означает ли это, что он будет так или иначе сориентирован вами?

Энтони чуть помедлил с ответом:

– Означает.

– Вы сказали, что тело было найдено на заправке в Мидтауне. Неужели камеры не зафиксировали момент убийства?

– Убит он был гораздо раньше. Совершенно в другом месте.

– И вам не кажется странным, что тело подбросили на такое видное место, как автозаправка?

– За тридцать лет работы мне уже ничего не кажется странным.

– Наша газета писала несколько лет назад, что брат губернатора был задержан в состоянии наркотического опьянения. В связи с этим два вопроса: был ли он под действием наркотиков в момент убийства и не может ли преступление быть связано с наркоторговлей?

Энтони вопросительно посмотрел на Нэнси. Та неопределенно пожала плечами.

– У нас пока нет заключения экспертизы о содержании крови убитого, – сказала она. – Что касается второго вопроса, то, как обычно, отрабатываются будут все версии. Но еще раз просим вас не политизировать происшествия.

– Да, ребята. Мы знаем, что у вас разные политические пристрастия, но убийство – это не повод их активно демонстрировать. К тому же, могу сказать, что у нас есть некоторые основания полагать, что преступление не было совершено профессионалом.

– И вы можете нам эти основания перечислить?

– Далеко не все, разумеется, – медленно произнес Дюваль, – но некоторые факты все же наводят на такую мысль. Хотя, все вы люди опытные и прекрасно знаете, что в подобных предположениях необходима и изрядная доля скептицизма.

– Допускаете, что профессионал мог сознательно совершать ошибки?

– Допускаю, – согласился агент, – хотя бы потому, что ни одна из этих ошибок не дала нам какой-либо серьезной зацепки.

8.

Губернатор Дэвид Коллинз нервничал. До выборов оставалось чуть больше года. И сейчас, сидя в одиночестве в своем кабинете, он пытался просчитать, как изменит расстановку политических сил внезапная гибель его брата. Если противникам удастся доказать, что Дуайт был убит в результате очередной любовной интрижки или при дележке порции наркотика, то предсказать их шаги будет нетрудно. Подотчетные им средства массовой информации всегда на страже и с готовностью откликнутся на просьбу раздуть эту историю исключительно на первых полосах или в прайм-тайм до самого дня выборов. Размещение рекламы все еще является ходовым товаром. Да и сами рассказы о плутовских похождениях убитого брата губернатора, несомненно, повысят рейтинг изданий и каналов. Преподносить такие сенсации ребята умеют. Даже выдумывать ничего не придется.

Последние опросы показывали, что его соперник лидирует на три пункта. За год до выборов это, конечно, немного, а вот динамика этого разрыва сейчас во многом будет зависеть от хода расследования.

Дэвида совершенно не интересовала судьба брата. Расстались они много лет назад, когда Дуайта впервые арестовали за хранение и использование наркотиков. Ничего серьезного там в результате не оказалось, просто молодежная компашка решила побаловаться травкой. Дело ограничилось небольшим штрафом. Но Дэвид в тот момент начинал свою политическую карьеру, и даже мелкие шалости Дуайта могли безжалостно его планы разрушить. С этим были согласны и родители. Срочно был созван семейный совет, на котором младшему брату строго указали, что все честолюбивые намерения старшего направлены лишь на дальнейшее укрепление могущества семьи, а потому любящие родственники обязаны оказывать ему всяческую поддержку. Или, по крайней мере, не мешать. Дуайту тогда было семнадцать лет. В ответ на все разумные доводы он пробормотал какие-то невразумительные левацкие лозунги, затем встал и вышел из дома. Пару недель его терпеливо ждали. Шли летние каникулы, и обращаться в школу было бесполезно. Потом родители занервничали и пригласили частного детектива. Опытный сыщик за пару дней установил, что Дуайт устроился на работу в один из благотворительных фондов, поступил на подготовительные курсы университета и с удовольствием продолжает кататься на подаренном к шестнадцатилетию «Лексусе». Семья успокоилась. Папа заметил, что в семнадцать каждый юноша просто обязан немного побунтовать. Была выделена достаточно внушительная сумма денег, ежемесячно поступающая брату на счет. Деньги регулярно тратились, что внушало родителям уверенность, в полной адекватности подростка. Детективу было предписано периодически наводить о нем справки и в письменной форме отчитываться. К концу лета Дуайт вернулся в школу, снял комнату с подругой-студенткой, продолжил работу в благотворительном фонде.

Через год он поступил в университет. Правда, один из самых дешевых и неизвестных. Тогда Дэвид позвонил ему первый раз и передал предложение родителей оплатить его обучение в более престижном учебном заведении. Дуайт согласился и с удовольствием перевелся. Именно в этот момент отец с матерью, решились, наконец, с ним встретиться. До этого им казалось, что он обязательно откажется. В отчий дом младший брат пришел в растянутом свитере, рваных джинсах, и стоптанных кроссовках. Сопровождала его нечесаная девица примерно в таком же одеянии, и с запашком, далеко от ароматов парфюмерных лавок. Увидев этот маскарад, родители весело рассмеялись. Их юность пришлась на сумбурные шестидеся-

тые. Они были очень рады видеть сына. Отец долго хлопал его по плечам, восхищаясь тем, как он вырос и возмужал. Мама с доброй улыбкой обняла девушку и повела ее на кухню помогать готовить. Свою многочисленную прислугу они в тот день предусмотрительно отпустили.

Единственным человеком, которому этот визит сразу же не понравился, был Дэвид. В то время он уже работал окружным прокурором и легко мог себе представить реакцию таблоидов, как только они обратят внимание на это ходячее недоразумение. Его продвижение по служебной лестнице могло, если не остановиться, то, во всяком случае, серьезно замедлиться. Допускать этого ради нелюбимого брата ему не хотелось.

Но Дуайт никаких поводов для беспокойств не подавал. Был, правда, еще один случай, когда группа ребят неосмотрительно покурила что-то запрещенное на крыльчке итальянского ресторана. Законопослушный владелец решил от греха подальше вызвать полицию. Мальчиков и девочек задержали. Дуайту в то время уже исполнилось восемнадцать, и он на законных основаниях потребовал не сообщать о происшествии родителям. Но дело попало к одному из друзей Дэвида. И тайна, которую Дуайт хотел свято сохранить, моментально открылась. Младшего брата снова вызвали на семейный совет. Папа прочитал ему небольшую, скучную для него самого лекцию о вреде наркотиков, дал несколько дельных советов, как избегать контактов с полицией, да и отпустил с миром. Предварительно оплатив штраф, многократно выросший по сравнению с первым. На этом инцидент был исчерпан. Дэвид, правда, убеждал отца, что подобная безнаказанность к добру не приведет, но тот лишь улыбался, обмениваясь с мамой многозначительными взглядами.

После того случая, в течение пары лет поведение Дуайта особых нареканий не вызывало. Дома он по-прежнему показывался нечасто, как правило, на родительских торжествах, даже туда умудряясь приходить все в тех же рваных джинсах. Но ни о каких нарушениях закона речи больше не было. Дуайт заканчивал университет, собирался заниматься социологией. В какой-то момент Дэвид даже подумал, что брат может оказаться ему полезным.

Правда, от планов этих вскоре пришлось отказаться. Дуайт Коллинз засветился в центре нового скандала. Пронырливые журналисты весело рассказали миллионам добропорядочных граждан о его романе с замужней женщиной. И не было бы в этом ничего ужасного, если бы дама не оказалась женой конгрессмена. Да еще того самого, который лоббировал в законодательном собрании интересы Дэвида. Простить такой удар окружной прокурор не мог. Продолжать общение с братом – тем более. Для его карьеры это было бы губительно. Дэвид тогда настоятельно просил родителей сообщать ему, если младший сын собирался их навещать. Чтобы лишний раз с ним не встречаться. Его помощники позаботились, чтобы об этой просьбе случайно узнал и пострадавший конгрессмен.

Через несколько недель, в одном из интервью Дэвида все же спросили, как он относится к поведению своего брата. Он попытался было отшутиться, сказал, что работает всего лишь окружным прокурором, а не священником, но репортер был настойчив:

– Вы действительно считаете, что избиратели могут поддержать на выборах генерального прокурора штата человека, чей брат оказался вовлеченным в сексуальный скандал?

– Знаете, я как юрист не могу припомнить, чтобы в нашем законодательстве были оговорки на этот счет.

– Но кроме юридических норм существуют еще и этические соображения.

– Абсолютно с вами согласен. И именно они не позволяют мне публично обсуждать внутренние переживания молодой красивой женщины.

– А внутренние переживания вашего брата?

– В той же мере. Тем более, что с братом мы никогда не были близки, и я ни в малейшей степени не разделяю его взглядов. Видимся мы с ним крайне редко, понятно, что он не делится со мной событиями своей личной жизни. Вас интересует, смог бы я поступить

так же? Нет. Институт семьи, по моему глубокому убеждению, одна из наших незыблемых ценностей. Не хотите поговорить о проблемах образования в штате?

В тот же вечер ему неожиданно позвонил Дуайт. Увидев на экране его имя, Дэвид несколько секунд размышлял, стоит ли ему отвечать. Но любопытство взяло верх. С первых слов было понятно, что брат безнадежно пьян.

– Мне понравилось, как элегантно ты от меня отрекся, – сказал он.

– И ты позвонил, чтобы высказать мне свое одобрение?

– Не только. Хотел обсудить незыблемость семейных ценностей. Потрясающе сказано. Так приятно это слышать. Особенно от тебя.

– Хочешь услышать еще раз?

– Хочу. И не только это. Холостому студенту всегда полезно узнать мнение женатого окружного прокурора по вопросам семьи и брака.

– Запишись на прием. Так и быть, уделю тебе несколько минут.

– А почему не сейчас? С твоим образованием и опытом, уверен, мои вопросы не покажутся тебе обременительными.

– Не покажутся, – согласился Дэвид. – Просто вряд ли ты их сумеешь обдумать до утра.

– Но один-то можно?

– Попробуй. Только покороче. Я очень устал.

– Совсем коротко. Скажи мне, великий поборник нравственности, почему ты так самозабвенно изменяешь своей жене?

Через несколько лет Дэвид с большим отрывом выиграл губернаторские выборы. Дуайт продолжал работать в благотворительных фондах. Время от времени в прессу попадали сообщения о его незначительных проступках. То он становился героем очередного любовного романа, то принимал участие в ресторанной потасовке, то раскатывал по городу в не совсем трезвом состоянии. Но губернаторство старшего брата было успешным, и на его рейтинге эти мелочи не отражались. На редкие вопросы о его отношениях с братом, Дэвид научился загадочно улыбаться и отвечать, что родственные связи для него чрезвычайно важны, и в блестящем будущем Дуайта он не сомневается. Тут же выяснилось, что по существующему протоколу, родным губернатора весьма желательно посещать различные официальные мероприятия. После небольшого раздумья, Дэвид приказал отсылать приглашения и брату. Иногда тот их принимал. И губернатор, поначалу опасавшийся непредсказуемого родственника, вскоре признал, что поведение Дуайта было безукоризненным. Появившись на нескольких приемах, он сразу прослыл внимательным собеседником, остроумным рассказчиком и деловым человеком. Выяснилось, что он умел легко сходить с людьми, и с таким удовольствием рассказывать о своей благотворительной деятельности, что многие соглашались принять в ней участие. Иногда не без задней мысли, что сотрудничают с родным братом руководителя штата.

Даже те, кто был наслышан о недавнем прошлом Дуайта Коллинза, согласились, что его галантное отношение к дамам совершенно не выходит за рамки существующих приличий. Молодого человека начали приглашать в элитные дома. Губернатор все внимательнее приглядывался к своему младшему брату. И вдруг эта загадочная смерть, с трупом, выброшенным на автозаправке. Дэвид знал, что за двое суток следствие практически не сдвинулось с места. А ему необходимы были хоть какие-нибудь данные. В зависимости от причины убийства, он собирался выстраивать тактику своего поведения.

Дэвид Коллинз взглянул на часы. До назначенной встречи с агентами, ведущими расследование, оставалось около десяти минут. Губернатор прекрасно понимал, что федералы придут не отчитываться перед ним, а допрашивать его. Для них он может оказаться таким же подозреваемым, как и любой другой гражданин. И вот тут у Коллинза было слабое звено. В ночь убийства он находился не дома. Сославшись на неотложные дела, он сказал жене, что переночует в офисе. Такое иногда и в самом деле случалось. Но в ту ночь он отправился в Каминг,

на любовное свидание, где меньше всего думал о проблемах своего штата. Об этом знали его водитель и охранник, до утра оберегавшие покой шефа. Конечно, они никогда раньше его не подводили, работали с ним еще когда он был генеральным прокурором, но ни за одного человека нельзя было поручиться, если его допрашивали федеральные агенты. Законы на этот счет были однозначными и жесткими.

Сотрудники Федерального Бюро Расследований появились ровно в назначенное время. Представились. Коллинз привычно запомнил их имена. Энтони Дюваль и Нэнси Купер.

– Господин губернатор, – сказал мужчина, – прежде всего, примите наши соболезнования. Мы сожалеем, что приходится беспокоить вас в такой момент, но уверены, что вы понимаете важность нашего разговора.

– Можете не сомневаться, господин Дюваль, – твердо сказал Дэвид. – Я вас ждал и готов уделить вам время. Если можно, не более получаса. Потом я должен ехать на похороны брата.

Энтони и Нэнси переглянулись.

– Может быть нам отложить нашу встречу до вечера, когда вы освободитесь? – спросила девушка.

– Вовсе не обязательно. Последний раз я общался с братом несколько лет назад. По телефону. И мало что знаю о его личной жизни. Поэтому, думаю, что времени нам хватит.

– Давайте попробуем, – согласился Дюваль. – Если не получится, перенесем беседу на более удобное время. А вы скажете своему секретарю, чтобы бережнее относился к вашему расписанию.

Губернатор сделал вид, что не заметил этого намека.

– Не желаете по чашке кофе? – спросил он.

– Нет, спасибо. Давайте не будем терять время.

– Не будем, – подтвердил губернатор. – Хотите, чтобы я рассказал вам все, что знаю о брате?

– Было бы неплохо. Но мы в курсе, что ваши отношения были далеки от идеальных. С Дуайтом вы виделись только на официальных мероприятиях, да и то каждый раз демонстративно от него дистанцировались. У вас, наверное, имелись для этого веские причины?

– Я бы не назвал их такими уж вескими, – медленно проговорил Дэвид. – Не буду обманывать, что у нас с братом была огромная взаимная любовь...

– Мы бы вам и не поверили...

– ...но и серьезных разногласий между нами не наблюдалось. Он ушел из дома, когда ему было семнадцать. Я в то время уже жил со своей семьей. У брата были собственные интересы, зачастую для меня неприемлемые, – губернатор со значением посмотрел на своих собеседников.

– И они могли пагубно отразиться на вашей карьере, – закончил мысль Энтони.

– Могли, – легко согласился Коллинз. – Мне на моей должности постоянно приходится учитывать множество разнообразных факторов. Даже, на первый взгляд, незначительных.

– Как, например, ваш родной брат, – сказала Нэнси.

– Послушайте, вы расследуете убийство или обстоятельства моей семейной жизни?

– Вам ли, господин губернатор, не знать, что порой факты пересекаются самым удивительным образом.

– Ваш брат никогда не обращался к вам с просьбой оказать помощь благотворительным фондам? – спросил Дюваль.

– Ни разу. У нас существует государственная программа их поддержки, но она, как вы понимаете, не зависит от родственных связей губернатора.

– Но вы хоть знаете, что это за фонды?

– Никогда специально не интересовался.

Энтони заглянул в свои записи.

– Ваш брат активно сотрудничал в фондах, помогающих больным лейкемией, бездомным и наркозависимым.

– Не похоже, что это может иметь какое-то отношение к его гибели.

– Почему вы так думаете?

– Не приходилось слышать о подобных прецедентах. Кстати, о наркоманах. Надеюсь, Дуайт не был под влиянием наркотиков в момент смерти?

– И ваши надежды полностью оправданы, – с едва заметной иронией сказала Нэнси. – Мы получили эти данные как раз по дороге сюда. В крови вашего брата не было даже намека на наркотики. Правда, сохранилось незначительное количество алкоголя.

– Мы распечатали телефонные звонки Дуайта Коллинза за последние несколько дней. Взгляните, пожалуйста, может быть какие-то имена покажутся вам знакомыми. – Энтони протянул губернатору листок бумаги. Тот углубился в его изучение.

– Здесь есть несколько имен, которые я знаю. Это политики и общественные деятели. Мне рассказывали, что некоторых из них Дуайту удалось привлечь к своей благотворительной работе. Но большинство имен мне неизвестно.

– Даже последнее?

Губернатор еще раз взглянул на список.

– Нет. И это имя мне ничего не говорит.

– Странно. Я думала, что оно известно в нашей стране каждому. Последний звонок вашего брата был сделан знаменитой писательнице Аманде Чапмен.

9.

Фрэнк проснулся первым. Приподнявшись на локте, посмотрел на спящую рядом женщину. Следуя своей неизменной привычке, Лариса спала, скомкав простыню между ногами. Уголки ее губ все еще подрагивали в утомленной улыбке. Он не удержался и дотронулся до этой улыбки пальцем. Не открывая глаз, женщина его легонько прикусила. Фрэнк склонился над ней и начал старательно отыскивать губами самые благодарные уголки ее хрупкого тела. Легкими касаниями смычка он прикасался к потаенным изгибам ее волшебной скрипки, прислушиваясь к волнующей, чудесной и загадочной прелюдии. Лариса негромко застонала, приоткрыла глаза и посмотрела на Фрэнка с насмешливым вызовом, который он с готовностью принял. Не прошло и нескольких секунд, как они скатились с широкой гостиничной кровати и даже не заметили этого.

Лариса прилетела в пять часов утра. Со времени их последней встречи прошло около шести недель. После откровений о появившемся в ее жизни человеке Фрэнк боялся ей звонить. Покорно смирился с тем, что его место занял другой мужчина. Возразить ему было нечего. Он был давно и безнадежно женат, растил любимого сына.

Он был уверен, что Лариса встретила очень хорошего парня. Другого она бы в свою жизнь не пустила. Фрэнк понимал, что ей нужно время, чтобы разобраться в своих чувствах. Поэтому боялся потревожить ее даже дружеским звонком. Они не общались около полутора месяцев. Фрэнк не ревновал, но очень беспокоился. А потому радости его не было предела, когда несколько дней назад она позвонила и, как ни в чем не бывало, сообщила, что очень соскучилась и собирается в Атланту. Точно так же, как она делала это все последние годы.

Десять лет назад, Фрэнк был уверен, что Бог, наконец, послал ему ту женщину, о которой он рассказывал каждой созданной им музыкальной фразой. Ему было совершенно безразлично, что Лариса не была христианкой. А вот то, что говорила она на языке, который он так полюбил, Фрэнк расценивал как однозначный сигнал свыше. Буквально за несколько дней он понял, что жить без этой русской медсестры он не сможет. Если бы у него была возможность, он запер ее в доме и выпускал только на свои выступления. Но у нее была своя жизнь. И, прежде всего, был молодой человек, с которым ее достаточно многое связывало. Уже в первую ночь она пообещала Фрэнку, что скоро уйдет от него. Но попросила дать ей немного времени, чтобы

хоть как-то его подготовить. Чапмен не смел ее торопить. Он сразу признал, что в житейских вопросах Лариса гораздо умнее его, и с первых дней их любви приучил себя безоговорочно ей доверять.

Он узнал, что выросла она в российский глубинке, в городе, известном на весь мир тем, что под видом тракторов в нем строили танки. Лариса, смеясь, рассказывала, как они тайком слушали американские радиостанции и удивлялись, что их завод выпустил тысячу танков. А утром из газет узнавали, что изготовил он, оказывается, пять тысяч тракторов. После школы она поступила в медицинский институт. На третьем курсе по залету (Фрэнк понимал эту русскую идиому) вышла замуж. Но студентов заставили собирать картошку, и у нее случился выкидыш. Как раз в тот момент, когда она тащила на себе двухпудовый мешок. Вот так. Ребенка она потеряла, а муж остался. Расстаться они решились только после окончания института. Но как раз перед разводом у семьи появилась возможность иммигрировать. В полуннице России отказываться от такой перспективы было глупо. Муж упросил взять его с собой и развестись уже в Соединенных Штатах. Что она с удовольствием и сделала. Но в Америке свои законы. Вдруг выяснилось, что ее медицинский диплом не позволяет ей работать даже рядовой медсестрой. Три года ушло на то, чтобы ей разрешили делать уколы и ставить капельницы, что она умела лучше многих американок. Все это время она спала не больше четырех часов в сутки. Да и теперь мало что изменилось, потому что медицинская школа тоже требует полной отдачи. Но осталось всего несколько месяцев. Хорошо хоть зарплата выросла в шесть раз. И теперь она может не беспокоиться насчет платежей за учебу.

Через несколько недель Лариса переехала к нему. Полтора года они были вместе. За это время Лариса успела подтвердить свой врачебный диплом, устроиться на работу в одну из лучших клиник города. Казалось, ничто не может помешать их счастью.

Но Фрэнк уже достаточно давно вел переговоры с одним из лучших европейских оркестров о совместной работе и многомесечных гастролях.

В тот день, прямо на репетицию ему, наконец, принесли вариант контракта, на котором он настаивал. Условия были вполне достойны композитора с мировым именем. У Ларисы в тот день не было дежурства, и они решили провести вечер в полюбившемся японском ресторанчике. На свидание Фрэнк летел, рискуя не только штрафами, но и собственной головой. Он представлял, как сейчас обрадуется любимая возможности целый год пожить в самых красивых европейских городах. Конечно, немного жалко, что в программу гастролей не были включены российские столицы, но и на поездку туда можно было выкроить несколько дней.

Однако реакция Ларисы на его сообщение, оказалась для Фрэнка совершенно неожиданной. Она наотрез отказалась куда-либо ехать.

– Фрэнк, – сказала она, – я только несколько месяцев назад начала работать. Меня не отпустят из клиники.

– И Бог с ними, – беспечно отозвался Чапмен, – ты – муза великого композитора. Поверь, я смогу прокормить нас обоих.

– Не сомневаюсь. Только это ничего не меняет. У меня есть свое дело. И я не могу так легко от него отказаться.

– Даже ради нашей любви? – патетически спросил Фрэнк.

– Как раз из-за нее. Тебе ведь не нужна тетка, которая все бросает, мчится за богатым, знаменитым любовником и штопает по ночам его носки.

– Я не прошу тебя ничего бросать. Закончится контракт – вернешься к своей работе. Ты не согласна?

– Нет. За это время я потеряю практику. Отстану от профессии. Да и в клинике меня ждать никто не станет.

– Велика беда. Подберем другую. У меня найдутся связи и в этом мире.

– У тебя, Фрэнк. А как насчет меня? Обо мне ты подумал?

- По-моему, весь этот разговор происходит только от того, что я думаю о тебе.
- Неправда. Сейчас ты думаешь о себе. Тебе будет удобно и спокойно, если я буду дожидаться тебя после твоих выступлений.
- Возможно, – согласился Чапмен, – и я не вижу в этом ничего плохого.
- И я бы не видела, если для этого мне не пришлось бросать своих больных.
- Не переживай, – необдуманно бросил Чапмен, – они легко найдут, кем тебя заменить. Лариса обиженно замолчала. Опустив голову, она перебирала палочками кукурузные зерна. Фрэнк понял, какую глупость только что сморозил.
- Извини... – только и смог сказать он.
- Лариса не отвечала. Это был первый раз, когда Фрэнк, пусть и неосознанно, обидел ее.
- Ты же мотаешься по всему миру ради своих слушателей, – наконец, сказала она.
- Мои слушатели приходят ко мне, чтобы прикоснуться к границам вечности.
- А ко мне приходят, чтобы эти границы отодвинуть. Фрэнк, прекратим этот бессмысленный разговор. Когда тебе нужно уезжать?
- Через месяц.
- Прекрасно. Значит у нас есть целый месяц, чтобы решить, как нам быть дальше.

В тот раз Фрэнк сумел ее понять. Он сам был настолько погружен в свое творчество, что все остальные стороны жизни легко отодвигал на второй план. У него ведь не возникло даже мысли отказаться от европейских гастролов ради Ларисы. Да она бы и не приняла такой жертвы. Так какое он имел право требовать от этой молодой женщины отодвинуть в сторону мечту, к которой она шла, преодолевая столько трудностей?

А еще Фрэнку впервые пришло в голову, что, возможно, Лариса ждет от него официального предложения. Он даже удивился, что никогда раньше об этом не думал. И с радостью понял, что мысль эта не вызывает у него решительного отторжения. Им было очень хорошо вместе, и он уже не мог представить, что она когда-нибудь исчезнет из его жизни. Сомневаться в ее чувствах ему тоже не приходилось. Правда, Фрэнка тут же начали одолевать и весьма серьезные сомнения.

Лариса была на двадцать лет младше него. Поначалу это его не смущало. У него были подружки и помоложе. Но с ними он не строил планов на дальнейшую жизнь. Теперь же он вдруг отчетливо представил себе, что пройдет совсем немного времени, и разница в их возрасте станет вполне осязаемой и даже смешной. Первый раз в жизни Фрэнк испугался.

Через месяц он улетел на европейские гастроли. Лариса осталась в Атланте.

Они созванивались по нескольку раз в день. Однажды на концерте Фрэнк даже поставил перед собой включенный айфон, чтобы любимая могла видеть его и слышать музыку. Он уговаривал ее прилететь хотя бы на пару дней, когда это будет возможно. Лариса очень этого хотела, но ее расписание не позволяло вырваться. Долгие перелеты не оставили бы времени на свидание.

В гастрольной суете промчались полгода. За все это время Фрэнк не завел ни одной даже мимолетной интрижки, чем втайне очень гордился. Возвращаясь поздними вечерами в отель, он, измученный, устраивался на кровати и звонил Ларисе. В Атланте в это время было раннее утро. Иногда ему везло. Подруга никуда не торопилась, и они могли разговаривать часами. Фрэнк гладил экран дисплея и слушал мелодию ее голоса. Для него не имело значения, что именно она говорила, важна была только эта музыка.

А Ларисе очень хотелось рассказать ему о своих достижениях. О том, как только вчера она нашла единственно верное решение, спасшее жизнь молодой женщине. И об успехах в хирургической школе. И о том, какие медицинские светила восторженно откликнулись на ее последнюю статью.

– Представляешь? Они были так поражены моими идеями, что сразу пригласили меня в свою клинику в Сакраменто.

– Прости, – переспросил Фрэнк, – я не уловил твоей последней фразы. Куда пригласили?
– В Са-кра-мен-то, – по слогам произнесла Лариса. – Для особо одаренных, объясняю, что это в штате Ка-ли-фор-ни-я. Слышал, наверное. Голливуд. Тихий океан. Золотая лихорадка. А еще там живет этот... ты знаешь, большой такой. Терминатор.

– Шварценеггер?

– Точно. Ты у меня потрясающе умный и образованный. И, наверное, даже помнишь, что в свободное от преследования нерожденных младенцев время, он этой самой Калифорнией руководит. И строит там новые больницы.

– И что?

– А твоя будущая жена оказалась одним из самых перспективных в стране молодых хирургов. Вот ее и пригласили наладить там работу хирургического отделения. А теперь подними правую руку и поклянись, что ты мною гордишься.

– Зуб даю, – пробормотал Чапмен.

– Научила на свою голову, – вздохнула Лариса. – Придется теперь жить с уголовником. Надеюсь, ты действительно рад за меня?

– Можешь не сомневаться. И когда тебе нужно ехать?

– Месяца через два. Ты еще будешь в Европе.

– Да, но я очень скоро вернусь.

– И получишь длительный отдых после твоего напряженного турне. Я уже все продумала. Тебе остается только записать и четко выполнять инструкции.

– Записываю, – улыбнулся Фрэнк.

– Ты прилетишь и, наконец, сделаешь мне предложение, которое я с удовольствием приму. А там рядышком есть такой небольшой городок Лас-Вегас, где действуют потрясающе гуманные законы. Тебя там в час ночи поженят, а в семь утра разведут.

– Думаешь, у меня может возникнуть такое желание?

– Постараюсь сделать все, чтобы этого избежать. А ты, надеюсь, помнишь, что когда я говорю «все», то это сулит тебе множество приятных неожиданностей.

– Да ты просто развратная девка...

– Пользуйся, не всем такое счастье. Но если ты вдруг сочтешь, что я не соответствую твоим представлениям об истинном предназначении женщины...

– Трудно пока судить. В моей жизни ты первая, которая подписывает контракт с Терминатором.

– Разве это не повод для гордости? Но через три года я обещаю вернуться в Атланту и не отходить от дома дальше химчистки.

– Какие три года? – растерялся Фрэнк.

– Милый, ты же не думал, что я там управлюсь за неделю. У нас есть свои производственные процессы, которые требуют определенного количества времени. В любом случае, не забывай себе голову этими мелочами.

– Ничего себе, мелочи. В моем возрасте три года – это вечность. Я не хочу провести ее без тебя.

– И не нужно. Я понимаю, что ты не можешь бросить на произвол судьбы своих музыкантов, но мы же будем совсем рядышком. В любом случае, гораздо ближе, чем сейчас.

– Убийственный сарказм. Все-таки злишься, что я уехал.

– Вовсе нет. Счастлива за тебя. Коллекционирую все, что могу найти в сети о твоём триумфе. Но и тебе хочу дать повод мною гордиться.

– Я горжусь тобой.

– Знаю, любимый. И очень это ценю. Вот и стараюсь тебя не разочаровать. Правда, у меня это классно получается?

– Бесподобно, – согласился Фрэнк. – А давай ты организуешь бесперебойную работу хирургов где-нибудь в Атланте?

– Хотелось бы, – вздохнула Лариса. – Только я у тебя пока девчонка подневольная. Куда зовут – туда еду. Вот стану министром здравоохранения...

– Я сдохну к тому времени.

– Хорошенькое мнение о моих карьерных перспективах.

– Ты все время забываешь сколько мне лет.

– А сколько? Перестань прибедняться, дорогой. Вон какие нагрузки выдерживаешь, а потом еще болтаешь полночи.

– Я сейчас говорю не только о себе.

– А о ком? Обо мне? Так успокойся: для меня ты эталон вечной молодости. А твой волшебный портрет хранится у меня на чердаке. Вот пусть он и стареет.

– Лариса, мне почти пятьдесят. И я очень хочу сына.

На экране дисплея Фрэнк увидел, насколько серьезной вдруг стала Лариса. Ее чуть насмешливое выражение лица, которое не покидало ее даже в самые тяжелые моменты жизни, сразу куда-то исчезло.

– Я обязательно рожу тебе сына, Фрэнк, – сказала она. – Такого же талантливого и чуточку неуклюжего, как и ты. Только подожди немного. Мне нужно несколько лет, чтобы закрепиться на своих позициях. У нас обязательно будут дети. Я им даже имена уже напридумывала. Но я хочу, чтобы они могли гордиться не только своим отцом, но и своей мамой. Дай мне несколько лет, и я обещаю, что вернусь в Атланту и стану готовить борщи.

– Не станешь.

– Домработницу научу. Фрэнк, ты даже не представляешь, сколько у меня планов.

– Представляю. Только себя в них не нахожу.

– Фрэнк...

– Подожди. Ты отказалась ехать со мной в Европу. Я смог понять и улетел один. За восемь месяцев ты не смогла выкроить и пары дней, чтобы здесь со мной встретиться. И опять я веду себя, как все понимающий идиот. Наконец, ты выкладываешь свой последний козырь. Оказывается, еще три года мы будем жить на разных побережьях. И все потому, что тебе предложили работу в Калифорнии. Но, согласись, и в Джорджии хватает больных людей.

– Согласна. Но там нет такой престижной открытой позиции.

За прошедшие годы не было ни одного дня, чтобы Фрэнк мысленно не вернулся к этому разговору. Снова и снова он пытался представить себе, как могла сложиться их жизнь, если бы тогда он повел себя по-другому. И не мог найти однозначного ответа.

– Я здесь дни считаю до нашей встречи, – возмутился он, – а ты говоришь о престижной позиции.

– Милый, ты считаешь дни, занимаясь любимым делом.

– И ты занимайся. В этом мире гораздо больше больниц, чем симфонических оркестров. Я настаиваю, чтобы ты работала в Атланте. У тебя там прекрасная должность и большая зарплата. Несколько месяцев назад ты убеждала меня, что это и есть твоя мечта, от которой ты не можешь отказаться. Я сумел тебя понять. Теперь ты мне рассказываешь о новом предложении. Послезавтра тебя позовут налаживать здравоохранение Зимбабве. Поедешь?

– Поеду, Фрэнк. Не задумываясь, поеду.

– Не задумываясь обо мне?

Лариса не ответила. Этот разговор оказался для нее полной неожиданностью. Она любила Фрэнка. Никогда в жизни даже не могла представить себе, что сможет так сильно любить мужчину. Видела в нем не только любовника, но и такого же яркого увлеченного человека, какой была сама. Рассказывая Фрэнку о предложении калифорнийской больницы, она не сомневалась в его полной поддержке. Сама Лариса была готова ждать и терпеть. Она горди-

лась успехами Фрэнка, разделяла их и радовалась своей сопричастности. Многого готова была для него сделать. Но всегда думала, что и он разделяет ее цели и мечты.

– Почему ты молчишь? – настаивал Чапмен. – Нечего сказать?

– Фрэнк, я думаю нам сейчас лучше прекратить этот разговор. Давай немного поостынем. Свяжемся, когда тебе будет удобно. Я всегда жду твоего звонка.

Одним из пунктов европейских гастролей Фрэнка был Амстердам. Там было запланировано три концерта. После первого Чапмен зашел в гостиничный бар. Заказал свою любимую водку. Они не разговаривали с Ларисой уже довольно давно. Он соскучился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.